

СОВЕТСКИЙ ФИЗИК

№6(90) 2011
(ноябрь)

К 300-летию
со дня рождения
Михаила Васильевича Ломоносова

СОВЕТСКИЙ ФИЗИК

6(90)/2011
(ноябрь)

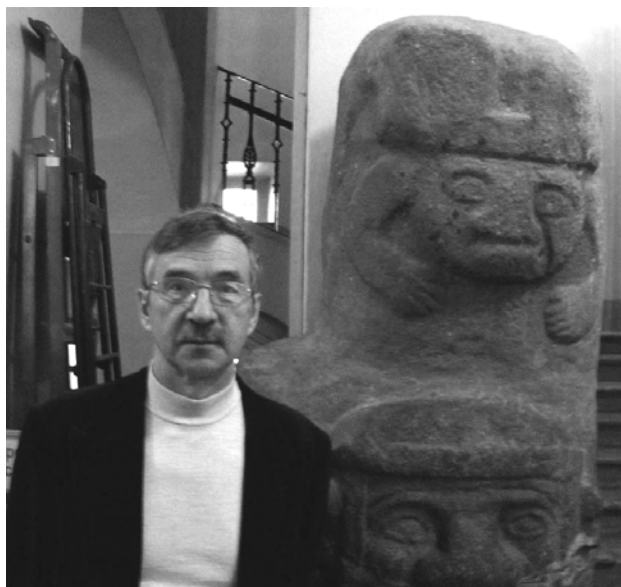

ОРГАН УЧЕНОГО СОВЕТА, ДЕКАНАТА
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

2011

ОТ РЕДАКТОРА:
«К ЮБИЛЕЮ ЛОМОНОСОВА»

В канун юбилея Михаила Васильевича Ломоносова на физфаке прошли самые различные мероприятия: заседание Ученого Совета, Ломоносовские чтения, конференции и др.

Отражена знаменательная дата и в печати. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова физфаковцы подготовили три издания.

Вышла книга декана физического факультета профессора В.И. Трухина «Наш Ломоносов». Владимир Ильич справедливо отмечает, что Михаил Васильевич Ломоносов подвергался незаслуженным нападкам не только при жизни, но и после. Более того, образ нашего великого ученого и реформатора подвергается искажению и в наши дни. (Например, в книге модного современного автора А. Никонова "История отможенных в контексте глобального потепления", 2007, которая критикуется в статье студента Боярченко «За честь отечественной науки или отморозок в поисках ледяной свежести».) Дать целостный образ Ломоносова — такую задачу и поставил себе В.И. Трухин. И надо отметить, что это ему удалось! Несмотря на то, что про Ломоносова сказано и написано много, Владимир Ильич сумел живо и увлекательно рассказать о жизненном пути и основ-

ных научных достижениях М.В. Ломоносова. Статья, подготовленная по материалам этой книги, открывает наш выпуск.

Вышел фундаментальный труд В.К. Новика «М.В. Ломоносов, личность и образы». Автор избрал оригинальный подход к анализу наследия Михаила Васильевича. Основываясь на многих документах, автор анализирует трансформацию образа Ломоносова в обществе, развитие представлений о роли Михаила Васильевича в различных слоях общества и государственных институтах. Такой подход, в силу своей специфики, носит критический характер, но он нисколько не умаляет величие заслуг М.В. Ломоносова. В книге Новика впервые обосновывается уникальность вклада Ломоносова в развитие самосознания русского народа. Читатели газеты «Советский физик» имели возможность ознакомиться с фрагментами книги Виталия Константиновича Новика.

Книга о Ломоносове Юрия Дмитриевича Нечипоренко «Помощник царям» предназначена молодому поколению. Это совсем не значит, что ее не следует прочитать людям старшего поколения. Книга написана в живой, увлекательной форме, содержит много интересного фактического материала, и, безусловно, найдет своих благодарных читателей. Следует отметить удачный подбор стихотворений Михаила Васильевича, исторических документов. Книга хорошо иллюстрирована. И чувствуется, что ее писал физик!

Приятно отметить, что упомянутые книги написаны постоянными авторами нашей газеты.

Большое внимание «Ломоносовской теме» уделялось и факультетской газетой «Советский физик». М.В. Ломоносов — постоянная тема газеты. Конечно, в канун юбилея газета чаще обращалась к образу Михаила Васильевича.

Этот номер газеты «Советский физик» составлен из части статей и заметок о Ломоносове, которые были опубликованы в газете за период с 2007 г. по настоящее время. Как уже говорилось, открывается номер статьей декана факультета профессора В.И. Трухина «Наш Ломоносов». Далее статьи следуют в хронологическом порядке. Завершает номер заметка, содержащая фрагменты выступления В.К. Новика на радио в программе «Русский мир». В ней сделана попытка ответить на вопросы: «В чем непреходящее величие М.В. Ломоносова?» и «Почему императрица Екатерина Великая, заказав бронзовый бюст Ломоносова, поместила его среди античных героев?».

Гл. редактор
«Советского физика»
К.В. Показеев

Декан физического факультета МГУ
профессор В.И. Трухин

НАШ ЛОМОНОСОВ №5(89), 2011

**Михаил Васильевич Ломоносов
родился 300 лет тому назад**

То было яркое и интересное время. О нем хорошо сказал Пушкин:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
...Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Экономически и культурно отсталая старая Русь, в это время делала попытку выскочить из рамок вековой отсталости и смело прорубала окно в Европу.

Реформы Петра I имели огромное прогрессивное значение и знаменовали собой новый этап в развитии страны, но проводились они по крепостнически и преследовали интересы дворян-крепостников. В результате ряда указов и манифестов Петра, многие из которых по меткому замечанию Пушкина, «вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» и были «нередко жестоки, своенравны, и, кажется, писаны кнутом», положение крестьян и массы посадского люда значительно ухудшилось. Крепостное право постепенно приняло «наиболее грубые формы», так что «оно ничем не отличалось от рабства».

Такова была обстановка в стране в то время, когда родился Ломоносов.

Суров и многообразен, неповторимо красив далекий поморский Север — родина Ломоносова. Длинная морозная зима, белые ночи и полярное сияние, дремучие хвойные леса, полноводная, но лишь на короткое время освобождающаяся ото льда Северная Двина, а там дальше — Белое море, о котором пели:

Бело морюшко студено, Ледовитый океан,
Ты бескрайне, ты глубоко, словно гений россиян!

Мало было пригодной для пашни земли, да и не везде успевают вызревать хлеб. И не земля становится кормилицей помора. Он добывает слюду, гонит смолу, вываривает соль, орудует в кузнице, плотничает, ладит лодки и поморские промысловые суда. Архангельские и двинские суда! На них поморы идут в устье Двины на семужный лов, пускаются на далекий Мурман за треской, за морским зверем в Белое море и дальше сквозь туманы и льды на Новую Землю и легендарный Грумант (Шпицберген).

Землевладение новгородских бояр было ликвидировано в Поморье еще в XV веке. Помещичье же землевладение не получило и не могло получить развития из-за своеобразия природных и экономических условий. Да и не нуждались особенно царское правительство в службе помещиков на Севере, а двинуть их оттуда в случае необходимости на западные или южные границы при тогдашнем состоянии путей сообщения было практически невозможно. Поэтому поморский крестьянин не попал в условия жизни при крепостном праве и остался черносошным. Над ним не было непосредственной власти помещика, и он не испытал на себе всех последствий помещичьего произвола.

Мы и сейчас не знаем точной даты рождения М.В. Ломоносова. Несколько лет назад были выдвинуты предположения, что он родился то ли в июле, то ли в конце августа — начале сентября. Так ли это, трудно сказать, и если случай не приведет к тому, что в одном из архивов будут обнаружены соответствующие документы, вряд ли этот вопрос будет решен окончательно. Поэтому по традиции, установившейся еще в XVIII веке, днем рождения Ломоносова считается «Михайлов день». В XVIII веке он приходился на 19 (8) ноября.

Отец Ломоносова, Василий Дорوفеевич, был типичным помором-промышленником. Не раз, как свидетельствуют сохранившиеся документы Архангельского архива, он во главе артели поморов на двух-трех кораблях отправлялся на рыбную ловлю и звериный промысел, а к концу жизни обзавелся и собственным промысловым судном — гукором «Чайка». На нем ходил на тресковый промысел к Мурманскому побережью и перевозил казенные грузы в разные пункты побережья Белого и Баренцова морей.

Юный Ломоносов не раз плывал со своим отцом на промыслы, побывал и на далеком Мурмане и на суровых Соловецких островах. Он вдоволь хлебнул соленого морского ветра, наблюдал приливы и отливы, красоту и величие полярных сияний.

Ранние биографии Ломоносова, появившиеся еще в XVIII веке, записи современников, отдельные фразы из его собственных работ и писем позволяют в основных чертах восстановить и первые шаги Ломоносова к книге, к знанию. Ему было, вероятно, 10–12 лет, когда от сельского дьячка да от соседа по деревне черносошного крестьянина Ивана Шубного он научился грамоте. Через два года он уже читал лучше всех в округе.

Но Ломоносов думал о получении серьезного образования в Москве и Петербурге.

Всякими правдами и неправдами им был получен паспорт, предусматривающий для него отпуск «в Москву и к морю» до осени 1731 года. У соседа Ивана Шубного, который когда-то научил его грамоте, были заняты 3 рубля и полукафтан из гладкой хлопчатобумажной ткани — китайки. Кстати сказать, пройдет много лет и Ломоносов достойно отблагодарит Ивана Шубного за эту услугу: он поможет добраться до Петербурга и поступить в Академию художеств сыну Ивана Шубного — будущему гениальному русскому скульптору Федоту Шубину.

Холодной декабрьской ночью 1730 года, взяв с собой книги, ставшие вратами его учености, Ломоносов навсегда уходит из дому вслед за обозом, везущим в Москву рыбу.

На целых пять лет жизнь Ломоносова оказалась связана со Славяно-греко-латинской академией, которую москвичи называли Спасскими школами, так как она помещалась в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице.

Чтобы попасть в Академию Ломоносову пришлось выдать себя за сына холмогорского дворянина. Дело в том, что основанная в 1685 году Славяно-греко-латинская академия стала уже совсем не той, какой она была в конце XVII — первой четверти XVIII века. Тогда она была важнейшим учебным заведением, которое готовило кадры образованных людей для различных отраслей культуры. Ко времени же поступления Ломоносова она превратилась в закрытое сословное учебное заведение, предназначенное для подготовки церковников. Поэтому прием в Академию детей всякого рода разночинцев и тем более «помещиковых людей и крестьянских детей» был категорически запрещен.

Итак, в январе 1731 года одно препятствие осталось позади. Но сразу же выросло другое: он хорошо читает и пишет, прекрасно разбирается в арифметике, но... о латыни не имеет понятия. Приходится начинать с самого младшего класса, где учатся «малые ребята» 8–10 лет, осваивающие русскую азбуку и только приступающие к таблице умножения. Появление в классе Ломоносова приводит их в восторг, и они, как позднее вспоминал сам Ломоносов, «кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться!». Но прошло полгода, и Ломоносов перешагнул во второй класс, а еще через полгода — в третий. То, на что даже способным ученикам требовалось не менее трех лет, пройдено за год.

Но, переходя из класса в класс и резко выделяясь среди других учеников своими способностями и знаниями, Ломоносов с каждым новым месяцем занятий все более отчетливо понимал: «Нет, это не то!». Не то потому, что здесь безраздельно царит зубрежка и розга. Не то потому, что здесь исходным, определяющим в преподавании является мертвая средневековая схоластика, что все вертится вокруг священного писания и религиозных догм. Не то потому, что все это нисколько не помогает познать жизнь, природу, ее законы, открыть врата подлинной, а не мнимой учености. Не то!.. Единственная отрада — академическая библиотека, в которой наряду с религиозными, богословскими книгами, есть летописи, древнерусские рукописи, светские издания петровского времени, книги по праву, философии, астрономии, географии, естествознанию.

Вопрос о том, как дальше идти к знаниям, вновь встал во весь рост.

Трудно сказать, на какой новый шаг решился бы Ломоносов. Но на этот раз сама судьба пошла ему навстречу. В ноябре 1735 года ректор Спасских школ получил приказание от Сената отобрать и прислать в основанную Петром I Петербургскую Академию наук 20 человек лучших и способнейших семинаристов. В числе отобранных оказался и Ломоносов. И снова в путь. Зимним декабрьским днем 1735 года сани мчат его вперед к новым вратам учености.

И здесь в жизни Ломоносова происходит неожиданный поворот. Поворот, о котором несколько месяцев до этого никто не мог и подумать. Для сибирских экспедиций требовались химики, хорошо знакомые с металлургией. В Академии наук таких специалистов не имелось. Поэтому было решено послать для изучения физики, химии, минералогии, математики, механики, философии и иностранных языков в Марбургский университет трех человек из числа только что приехавших москвичей. Первым в списке отобранных стало имя: Михайло Ломоносов. Вместе с ним ехали ничем себя в дальнейшем не проявивший сын горного советника Дмитрий Рейзер и Дмитрий Виноградов, впоследствии выдающийся химик, изобретатель русского фарфора и зачинатель фарфорового производства в России.

13 марта 1736 года сенат утвердил представление об отправке трех студентов в Марбург.

Полтора месяца пути — и 3 ноября они в Марбурге. Ломоносов стоит у порога новых врат учености.

Ломоносов и его товарищи попали в Марбург — типичный немецкий городок со старинным замком и католическим монастырем, который в период Реформации был ликвидирован и в 1527 году отдан открывающемуся там университету. Центральной фигурой Марбургского университета был профессор Христиан Вольф — создатель того направления в философии, которое получило название «Вольфианства», отрицательную оценку которому дал Ф. Энгельс.

Уже в своих первых работах Ломоносов идет значительно дальше своего учителя и закладывает начала корпускулярной теории — атомистической теории строения вещества. Эта теория составит впоследствии краеугольный камень его материализма и явится мощным оружием в деле разрушения господствовавших в науке представлений о наличии «теплохода» «флогистона» и других фантастических «материй».

Х. Вольф не мог не видеть, что его ученик во многом расходится с ним и в своих рассуждениях идет иным путем, но он сразу же оценил выдающиеся способности и потрясающую работоспособность Ломоносова. Вольф встречается с ним чаще, чем с другими студентами, и в своих отзывах называет Ломоносова «самой светлой головой», отмечает «преимущественное остроумие» своего ученика и выражает уверенность, что если Ломоносов и впредь «с таким же рачением простираться будет, то, «возвратясь в свое отечество, принесет пользу обществу».

Быстрый рост долгов ускорил решение руководства Академии наук считать обучение в Марбурге окончанным. Ломоносова и его товарищей перевели в саксонский городок Фрейберг к профессору Генкелю для изучения химии, минералогии и металлургии.

Ломоносова поглощают книги, рудники, лаборатории и снова книги. Поздней осенью 1739 года из Фрейберга в далекий Петербург уходит пакет, в котором лежат ода студента Ломоносова «На взятие Хотина» и его рассуждения о принципах русского стихосложения. Форма оды так необычна, стихи так красивы и звучны, что поразили даже академиков. Столь же необычайно, смело и интересно то, что написал он о русском стихосложении, о ямбе, рифме и других вопросах. С этого времени он уже не просто студент, изучающий естественные науки, но и поэт.

Сто лет спустя Виссарион Белинский в одной из своих последних работ еще раз повторит, что именно с этой первой Ломоносовской оды «по всей справедливости должно считать начало русской литературы», и еще раз назовет ее автора «отцом русской литературы».

Вскоре после возвращения Ломоносова президентом Академии был назначен брат всецельного фаворита Елизаветы Петровны граф Кирилл Разумовский, остававшийся на этом посту почти 25 лет. Само назначение Разумовского ярко показывает отношение двора к Академии и русской науке. Едва умевший читать и писать, он, оказавшись братом всецельного временщика, был спешно отправлен на два года во Францию, где научился болтать по-французски, усвоил манеры французских аристократов и в совершенстве ов-

ладел искусством тратить буквально астрономические суммы денег. Этим качеств оказалось вполне достаточно, чтобы сделать его графом, фельдмаршалом, гетманом Украины, назначить этого 19-летнего сиятельного Митрофанушку президентом Академии наук. По меткому замечанию одного из современников, Разумовский «больше наплодил детей, чем прочел книг, и больше знал петербургских красавиц, чем членов Академии наук». Не удивительно, что с его назначением порядки в Академии к лучшему не изменились. Шумахеры, Тауберты, Тепловы и им подобные были Разумовскому и другим людям его круга несравненно ближе по образу мыслей и своей деятельности, чем люди, выступавшие с новыми, передовыми теориями.

Пусть все остается неизменным, пусть царит везде тишина и покорность! — вот их девиз. Но как раз эта тишина была до мозга костей ненавидна Ломоносову.

Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее, —
заявлял он.

Только что возвратившийся на Родину и назначенный с 1 января 1742 года адъюнктом физического класса Академии, Ломоносов очень быстро разобрался в положении и оказался в самой гуще борьбы с реакционной академической кликой. Как раз в это время работавший в Академии выдающийся русский машиностроитель А.К. Нартов и группа русских студентов, переводчиков, канцеляристов подали в сенат жалобу, восставая против господства реакционной иноземной клики и требуя, чтобы Академия стала русской не только по названию, чтобы она выполняла те задачи, которые стояли перед нею. Но на помощь академической клике пришла придворная комиссия во главе с князем Юсуповым, выделенная сенатом, которая видела в жалобе не смелое выступление патриотов, а бунт «черни» против начальства.

Однако, казнь не состоялась. Ломоносов, признанный Елизаветой Петровной виновным, был «помилован». Однако, ему пришлось на коленях просить прощения у членов Академии.

И здесь отвлечемся на несколько минут от нашего изложения, чтобы вспомнить одного из потомков Ломоносова, в действиях которого так ярко выступили черты благородной «упрямки» Ломоносова.

Кто не помнит знаменитой батареи Раевского на Бородинском поле? Герой Смоленска, Бородина, Малоярославца, Красного и Лейпцига, Николай Раевский был мужем единственной внучки Ломоносова. К семье Раевских был очень близок, особенно во время своей южной ссылки Пушкин. Именно здесь он ознакомился с еще неопубликованными тогда документами Ломоносова, хранившимися у Раевских. А вскоре младшая дочь Раевского Мария, которой Пушкин посвятил ряд своих стихотворений, стала женой одного из

видных декабристов — С.Г. Волконского. Двадцатидвухлетняя Мария Волконская вопреки всем угрозам Николая I, лишениям и трудностям последовала за мужем в Сибирь. Героиня некрасовских «Русских женщин», одна из тех, кто донес до сосланных на каторгу декабристов пушкинское послание «В Сибирь», была достойна своего прадеда. Перечтите поэму Некрасова. В сценах свидания в тюрьме, разговора с отцом, рассказе о пути, и, наконец, потрясающей главе о свидании в руднике — в каждой строке и каждом поступке вы узнаете Ломоносовскую благородную «упрямку», его самоотверженность и негибкую волю...

Вернемся к Ломоносову. Через полгода после злосчастного «покаяния», в июле 1745 года, Ломоносов получил звание профессора химии, что в то время являлось синонимом звания академика. Клика меньше всего хотела делать Ломоносова академиком. Работы, которые он представил для получения звания, по их мнению, никуда не годились: в них Ломоносов открыто выступал против общепризнанных вещей и истин. Чтобы окончательно добить упрямого помора и заставить его навсегда отказаться от подобных дерзостей, решили запросить отзыв всемирно известного Эйлера. Вот тогда-то он не посмеет спорить! И вдруг: «Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи, самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость г. Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие Академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал г. Ломоносов».

По меткому замечанию покойного президента Академии наук СССР С.И. Вавилова, Ломоносов заложил краеугольные камни успехов всей нашей современной науки.

Но Ломоносов не ограничился работой в уже существующих тогда отраслях науки. Его труды положили начало возникновению целого ряда новых, неизвестных прежде наук, получивших развитие и вышедших на первую линию научного фронта уже в XIX и XX веках.

Эту изумительную многогранность, подлинную энциклопедичность научной деятельности Ломоносова хорошо понял еще Пушкин. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения, — писал он. — Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка».

Гениальный ученый и новатор в науке, Ломоносов и не мог работать иначе в условиях того состояния и уровня развития науки, на котором она находилась в середине XVIII века. И не случайно тот же Пушкин назвал Ломоносова «нашим первым университетом». Университет — это органическая взаимосвязь и внутреннее единство самых различных — точных, естественных и гуманитарных — наук, которые творчески разрабатываются, преподаются и изучаются в нем. Поэтому так точно, кратко, образно и метко определение, которое дал Пушкин изумительной деятельности Ломоносова и его работе в области науки, просвещения и литературы.

Подчеркивая, что без обобщений, без теории нет и науки, он с предельной четкостью определял задачу ученого: «Из наблюдений устанавливать теорию и с помощью теории исправлять наблюдения».

Своими открытиями, теориями и работами в области естественных наук Ломоносов создавал базу для дальнейшего развития материалистической философии в новых исторических условиях.

Вершиной материалистической теории Ломоносова является открытие им закона сохранения материи и движения, который он сформулировал еще в 1748 году в письме своему другу, великому ученому Леонарду Эйлеру, и сам назвал «всеобщим законом природы». «Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого... Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому».

Этот сформулированный им «всеобщий закон природы» показывает, что Ломоносов вкладывал в понятие материи несравнимо более глубокий смысл, чем это делали его современники. Ломоносовское понятие материи охватывало всю объективную реальность во всех ее проявлениях.

Подчеркивая, что в споре между религией и наукой всякий разумный человек будет на стороне науки, он отдавал решение спора о строении солнечной системы простому повару.

Он дал такой ответ: — что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг вокруг жаркого?

«Музей М.В. Ломоносова, созданный Академией наук СССР в 1947 году, помещается в том самом круглом зале, который во времена Ломоносова был конференц-залом Академии. Большой круглый стол, кожаные кресла и перед одним из них — табличка: «Здесь сидел Ломоносов».

Перечитывая написанные 300 лет назад работы Ломоносова по физике, мы с большим удивлением обнаруживаем огромное сходство между «элементами» и «корпускулами» Ломоносова и «молекулами» и «атомами» современной науки. Изучение этих нечувствительных физических частиц лежало в центре внимания Ломоносова, который стремился познать их свойства и законы движения и тем самым получить ключ к объяснению всех физических явлений природы. Исходя из молекулярно-кинетической теории он доказал, что теплота является результатом внутреннего движения частиц самой материи и открыл путь для изгнания из физики «теплорода» и четкого определения абсолютного нуля.

Идея вертолета была выдвинута Ломоносовыми. Он предложил конструкцию «аэродромной машинки», которая должна сама подниматься вверх, неся на себе самопишущие метеорологические приборы, с помощью показаний которых можно будет попытаться предсказывать погоду.

Результатом органического слияния физической теории о природе цвета и работы в химической лаборатории явились Усть-Рудицкая фабрика Ломоносова и его знаменитые мозаики.

«Полтавская баталия». Мозаика М. В. Ломоносова в здании Академии Наук. Санкт-Петербург. 1762–1764

Ломоносов был основоположником современной геологии. В эпоху, когда по определению Ф. Энгельса «история развития Земли, геология была еще совершенно неизвестна», Ломоносов, сделав ряд крупнейших открытий и теоретически обобщив все созданное в этой области, самым решительным образом выступил против библейских мифов о сотворении мира и всемирном потопе, против библейской хронологии и определения возраста Земли на основе библейских сказаний. Своими трудами он раскрывал историю Земли, ее недр, сущность геологических процессов. Изучая причины и характер землетрясений и вулканических явлений, он впервые в мире поставил на научную почву вопрос о происхождении и времени образования рудных жил. Положив начало выяснению вопроса о химических процессах, позволяющих определить возраст Земли, он выступил как зачинатель геохимии — науки, сформировавшейся уже в XX веке. Очень важным было и то обстоятельство, что, рассматривая историю развития Земли, Ломоносов сумел увидеть в этом процессе качественно различные ступени и этапы.

Он первым обратил внимание на вековые колебания суши и действия внешних сил природы и определил их место в изменении земной поверхности.

Работы Ломоносова в области геологии, физики, химии нашли свое логическое завершение в его занятиях вопросами металлургии, роль и значение которой в жизни и развитии страны Ломоносов оценивал так высоко. Неудивительно, что он пишет по этому вопросу ряд статей, а незадолго до смерти создает большую книгу «Первые начала металлургии или рудных дел».

Географические исследования занимали особое место в работе Академии наук. В 30–40-х годах XVIII века Академия наук совместно с Военной коллегией и Адмиралтейством отправляет в далекий путь географические отряды Великой северной экспедиции. Преодолевая неисчислимые трудности, отряды Харитона и Дмитрия Лаптевых, Челюскина, Прончищева, Малыгина, Крашенинникова и других пробираются по тайге и тундре, переваливают через горные хребты и кряжи, плывут по великим сибирским рекам, преодолевают льды и торосы Ледовитого океана.

Ломоносов первым понял все экономическое и политическое значение освоения Северного морского пути и его важную роль в обеспечении безопасности нашей Родины. Он много и напряженно работал над этой проблемой, изучая опыт поморов, материалы отрядов Великой северной экспедиции, и пропагандировал эту идею в стихах и прозе.

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.

Говоря о заслугах Ломоносова в области астрономии, мы могли бы отметить его многолетнюю работу над усовершенствованием телескопов, полировкой стекол и отысканием лучшего состава для металлических зеркал, о его боевой, активной защите и пропаганде системы Коперника и идеи о множестве миров, разработка которой привела Джордано Бруно на костер инквизиции. Называя Коперника «презрителем зависти и варварству соперником», Ломоносов ставил ему в заслугу, что

В середине всех планет он Солнце положил,
Сугубое Земли движение открыл

Исходя из положения о единстве материального мира он утверждал, что «во всех системах вселенной имеются одни и те же начала и элементы... Одна и та же материя у раскаленного солнца, и у раскаленных тел на земле»,

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к Солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

И это писалось тогда, когда еще не было известно даже понятие «солнечные протуберанцы», когда наука ничего не знала о природе солнечных пятен.

Но вершиной творческих успехов Ломоносова в астрономии было другое событие 250-летний юбилей которого приходится на 2011 год.

26 мая 1761 года астрономы всего мира наблюдали редчайшее явление, которое происходит не каждое столетие: Венера проходила между Землей и Солнцем. Академии всех стран готовились к этому событию. По инициативе и настоянию Ломоносова включалась в подготовку и Петербургская Академия. Уточнялся целый ряд данных, необходимых для наблюдения, готовились приборы и инструменты, отправлялись экспедиции в Иркутск, Селенгинск, Тобольск.

И долгожданный день пришел. Он оказался неудачным для отправленных экспедиций: в одном месте было пасмурно, в другом — подвели прибо-

ры, в третьем просто ничего не получилось. И тем не менее в руках ученых оказались ошеломляющие результаты. «Винновником» этого был Ломоносов.

Производя самостоятельные наблюдения в обычно пасмурном Петербурге с помощью маленького телескопа, он обнаружил, что «при выступлении Венеры из Солнца, когда передний ее край стал приближаться к солнечному краю и был около десятой доли Венерина диаметра, тогда появился на краю Солнца пупырь, который тем явственнее учинился, чем ближе Венера к выступлению приходила... Вскоре оный пупырь потерялся и Венера показалась вдруг без края...».

Ломоносов же продолжал: «По сим примечаниям господин советник Ломоносов рассуждает, что планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою, таковою (лишь бы не большею), какова обливается около нашего шара земного».

Работы в области гуманитарных наук не были ни второстепенными, ни навязанными Ломоносову. Он не мог не заниматься языком в такой же мере, как, занявшись химией, он не мог отказаться от атмосферного электричества. Точно так же обстояло дело и с занятиями его историей и с созданием литературных произведений.

Всем попыткам увести русский язык с правильного пути развития Ломоносов противопоставил единственно возможную линию сближения и соединения книжного языка с народным разговорным, линию создания и разработки своей научной терминологии. Он пишет о «природном изобилии, красоте, силе, великолепии и богатстве русского языка», его глубокой древности и изумительной стойкости, о том, что на всей огромной территории страны народ «говорит повсюду вразумительным друг другу языком».

Ломоносов утверждал, что русский язык «велик перед всеми в Европе», так как в нем сочетаются «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского и сверх того богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Ломоносов не остановился на изучении и обогащении словарного запаса русского языка. В то время, когда в Москве оборудовалось здание для первого русского университета и набирались первые студенты, академическая типография заканчивала печатание книжки, на титульном листе

которой были написаны совсем простые слова: «Русская грамматика Михаила Ломоносова». Это была первая русская грамматика, в которой на основе изучения крайне пестрой и неустойчивой практики изменения и сочетания слов он отобрал все наиболее целесообразное, правильное, выработал и изложил основной круг грамматических правил.

Строки, с большой силой и патриотическим подъемом написанные Ломоносовым о битве на поле Куликовом, не только прямо перекликаются со «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», но и предвещают в будущем пушкинскую «Полтаву» и лермонтовское «Бородино».

Уже чрез пять часов горела брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце луч.
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дождевых гуще туч.
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом повержены тела.
Иной с размаху меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал;
Иной, забыв врага прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной от сильного удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем...
Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная, ударив от пучины,
Ужасной в воздухе рождает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист, -
Так сила Росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Отставшее воинство возвысило свой глас,
Во сретенье своим Россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех татар...

Он занимался разработкой русской истории не по заказу Елизаветы, не для забавы придворной челяди, а потому, что эти занятия были его

внутренней потребностью и являлись одной из форм его служения Родине, борьбы за ее светлое будущее.

Ломоносов прекрасно понимал место истории в воспитании чувства благородного патриотизма, национального самосознания и борьбе за процветание Родины.

Заслугой Ломоносова является то, что в центре его работ по русской истории стоял народ, а не государство. Именно эта тема стоит в центре написанной им «Древней Российской истории».

Пушкин назвал Ломоносова нашим первым университетом. К этому удивительно меткому определению нет нужды что-либо добавлять. Заметим только, что этот университет отличался патриотической, материалистической и подлинно демократической направленностью всей своей работы.

По поводу создания университета

Нет, в Петербурге ничего не добьешься. Даже если он и будет создан этот центр, то сделают все, чтобы развалить его работу. Здесь находится императорский двор, и академической клике всегда будет оказана поддержка. Ломоносов был прав. Не прошло и месяца после его смерти, как академическая клика нанесла смертельный удар академическому университету.

Москва — вот выход. Огромный город, связанный со всеми районами страны, ее естественный центр в экономическом отношении, средоточие русской культуры и просвещения.

Нужно действовать через кого-то из вельмож. Кажется, больше всех для этой цели подходит Иван Шувалов. Молодой фаворит императрицы, пустой и ленивый щеголь, в страсти к нарядам, чулкам, башмакам, лентам и пряжкам не уступавший ни одной моднице, он разыгрывал роль мецената, покровителя литературы и искусств. И Ломоносов начинает действовать. Снова и снова заводит он разговор с Шуваловым о том, как нужен стране университет, о том, насколько возрастет его слава мецената, если он поможет в основании первого в России университета. Тщеславная душа фаворита не выдержала: он дал согласие.

Узнав, что Шувалов предлагаемое «предприятие подлинно в действо произвести намерился к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества», Ломоносов немедленно пишет ответное письмо. В нем под видом восхищения несуществующими талантами и политической мудростью Шувалова он преподавал ему настоящее наставление о том, как следует подходить к начатому серьезному делу, какова должна быть структура университета, каков штат, и особенно подчеркнул, что «при Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян».

Московский здесь Парнас изобразил витию
 Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
 Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
 То он один в своем понятии вместил.
 Открыл природы храм богатым словом Россов
 Пример их остроты в науках Ломоносов.

Учитывая печальный опыт работы академического университета, Ломоносов ввел в Московском университете четкое деление на три факультета: философский, медицинский и юридический. На философском факультете изучались физика, точные и гуманитарные науки. Он являлся обязательным для всех студентов, своего рода общеобразовательным факультетом. Лишь окончив его, студенты могли переходить на другие факультеты или оставаться на философском для специализации по одной из изучавшихся здесь наук. Такое построение обучения в тех исторических условиях, когда науки были еще слабо дифференцированы, давало студентам возможность получать общее широкое образование одновременно со специальной подготовкой в области определенной науки.

Ломоносов и русский язык

С именем Михаила Васильевича Ломоносова связана целая эпоха развития русской речевой культуры. Ему, русскому самородку, одаренному поэту и ученому, выдающемуся для своего времени мастеру образной речи, оратору, обязан литературный язык успехами, сделанными в XVIII веке и позднее. Он заложил прочные основы научного изучения русского языка. Он научил наших писателей с восхищением относиться к величию и мощи русского языка.

Это имеет большое значение потому, что Ломоносов, зная много языков (латынь, греческий, старославянский, немецкий, на котором он свободно разговаривал, польский и др.), изучал русский язык как автор знаменитой «Российской грамматики», которую он писал несколько лет и которая явилась крупным событием в научной жизни, и имел дело с родным языком как материалом литературного творчества.

К числу важнейших качеств, отличающих русский язык, Ломоносов относит его великолепие, живость, крепость, нежность, богатство и сильную

изображениях краткость. Говоря обо всем этом. Он сопоставляет в «Российской грамматике» родной язык с важнейшими европейскими языками и ссылается на собственные «в русском слове упражнения», которые также дают ему основание сделать такой вывод: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Глубокие преобразования в русском литературном языке, осуществленные Ломоносовым с начала его писательской деятельности, указывает академик С.П. Обнорский, встретили полное одобрение: «Ломоносов в стенах Академии и вне ее завоевал себе первостепенное положение именно как авторитет в области русского языка, и этот авторитет Ломоносова был неизменным десятки лет, на всем протяжении его деятельности и долгое время после его смерти».

Относительно превосходных качеств русского языка Ломоносов начал говорить еще в 1739 году. Написав похвальную оду «На победу над турками и татарами и на взятие Хотина» и, таким образом, положив начало русскому стихотворству, он так характеризовал русский язык: «Я не могу довольно о том нарadowаться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может». («Письмо о правилах российского стихотворства»). Здесь же он заявляет, что «русские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству».

По образному выражению Гоголя, «огниво уже ударило по кремню; поэзия уже вспыхнула; еще не успел отнести руку от лиры Ломоносов, как уже заводил первые песни Державина». Затем Пушкин и целая плеяда других поэтов сменяют Державина. Разумеется. Лучшие достижения в словесном мастерстве были ими подхвачены и умножены. У Державина и Пушкина много общего с Ломоносовым в речевых средствах, в приемах их употребления. Иногда прослеживаются дословные совпадения, не говоря уже об общности в рифмах, перифразах, приложениях и т.п.

Например, в оде 1748 года Ломоносов так живописно изображает утро нового года:

Заря багряною рукою
 От утренних спокойных вод
 Выводит с солнцем за собою
 Твоей державы новый год.

Сравните у Пушкина в «Евгении Онегине», — правда, в плане своеобразной стилизации:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

Выдающийся оратор и зачинатель стилистики русского языка

«...Талант великого оратора блистает в двух похвальных речах его, которые и теперь должно назвать одним из лучших произведений русского, собственно так называемого красноречия». Такую высокую оценку ораторскому мастерству Ломоносова дал в 1802 году Карамзин, имея в виду его «Слово похвальное...» Елизавете Петровне 1749 года и похвальное слово Петру, произнесенное в 1755 году.

Наряду с образностью, важнейшими признаками ораторской речи является ее отточенность, близость к афористичности. Ломоносов так строит фразы, когда говорит о победах Петра: «Правда, победителям разума удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был великий наш защитник».

Ломоносов счастливо сочетал в себе поэта и ученого-языковеда (не говоря уже о других его научных интересах). Именно этому обязаны мы столь ранним появлением в России стилистических наблюдений и исследований. Изучая язык, создавая его грамматику, он опозитивировал его и при каждом удобном случае делал пометы: где и как можно и удобно применять различные речевые средства. Судя по сохранившимся материалам для грамматики, черновым записям и наброскам, Ломоносов-поэт заметно влиял на все филологические разыскания Ломоносова-языковеда. Он живо интересовался смысловым своеобразием слов, их синонимическими отношениями, экспрессией, закономерностями их функционирования.

Обо всех этих, так быстро достигнутых успехах Карамзин говорил в упоминавшейся речи в торжественном собрании Российской Академии: «Полный Словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения счастливая судьба, во всех отношениях, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими Писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели Стихотворцев, Писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской». Касаясь далее замыслов Российской Академии, относящихся к составлению грамматического руководства, Карамзин опять отдал должную дань Ломоносову, высоко оценив его деятельность в литературном творчестве, красноречии и в филологических разысканиях: «...Ломоносов, дав нам образцы вдохновенной Поэзии и сильного Красноречия, дал и Грамматику...».

М.В. Ломоносов занимался историческими исследованиями роли русского народа в российской и мировой истории. Он также с присущей ему серьезностью и основательностью начал разрабатывать актуальные вопросы истории России.

Ломоносов, давая в целом высокую оценку работе Вольтера «История Российской империи при Петре Великом», в то же время подвергает критике стремление автора преувеличить роль иностранцев и умалить значение русских деятелей в истории России.

Ломоносову принадлежат серьезные заслуги в разработке некоторых принципов теории отечественной исторической науки.

Выдающийся советский историк академик Б.Д. Греков дает высокую оценку работам Ломоносова по истории России. «Ломоносов очень хорошо знал, — писал Б.Д. Греков, — что историку необходим фактический материал. Но он также хорошо знал, что собирание материала — это еще не все и что в хаосе фактов надо иметь теорию. Ломоносов приходит к выводу, что такую теорию необходимо разрабатывать также и на основе философии».

Заключение

Против великого Ломоносова постоянно шла борьба его менее способных коллег, придворной знати, высшего духовенства. Им были чужды и опасны патриотические устремления Ломоносова, его горячая любовь к русскому народу, его защита своей чести и достоинства от всяких клеветников и хулителей. По-видимому, все это было причиной его ранней смерти.

Анализируя научную и общественную деятельность М.В. Ломоносова, мы приходим к таким выводам.

Великий русский ученый М.В. Ломоносов занимает видное место в истории передовой философской мысли. Его замечательные открытия в области наук о природе, его оригинальные естественно-научные и философские обобщения сыграли большую роль в развитии материализма. Ломоносов смело выступал против устарелых теорий и идей в естествознании и философии, выдвигая на первый план новые, нерешенные научные проблемы. Гениальный русский ученый решительно преодолевал отжившие традиции, правила и догмы, сковывавшие научную мысль.

Только те ученые заслуживают, по мнению Ломоносова, высокой оценки, которые, несмотря на уже достигнутые завоевания науки решительно, не боясь трудностей, прокладывают новые. К таким ученым он отнес Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона и др.

Труды М.В. Ломоносова получили высокую оценку многих видных ученых, российских и зарубежных. В то же время до сих пор продолжают необоснованные выступления против гения Ломоносова.

Вечная память и вечная слава великому русскому ученому Михаилу Васильевичу Ломоносову!!!

К 300-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ
М.В. ЛОМОНОСОВА
№1(54), 2007

Каким человеком был Михаил Васильевич Ломоносов? Он не вёл дневника, не оставил воспоминаний. Готовясь произнести посмертное похвальное слово Ломоносову в заседании Конференции Академии наук, Якоб Штелин записал для себя: Характер Ломоносова: Физический. Отличался крепостью и почти атлетическою силою: например, трёх нападавших на него матросов одолел и снял с них платье. Образ жизни общий плебейам. Умственный. Исполнен страстью к науке: стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат... Эта запись — едва ли не единственное, что известно о характере Ломоносова от современников.

Мы предлагаем дайджест статьи профессора психологического факультета МГУ Е.А. Климова "Психологическое знание о труде в сочинениях М.В. Ломоносова" ("Вестник МГУ", психологическая серия, 1986, № 3, с. 8–20). Это — попытка хотя бы частично проследить по текстам сочинений Ломоносова его психологический портрет.

ТРУЖЕНИК О ТРУДЕ

*Знание о труде в работах
Михаила Ломоносова
Е. А. Климов*

Достаточным основанием для попытки восстановить представления Михаила Ломоносова о психологических составляющих и факторах труда является уже то, что перед нами признанный основатель и представитель многих отечественных "наук и художеств", начиная от "рудных дел", "первых оснований металлургии" и кончая грамматикой и поэзией. Но есть и другое, особое основание — это своеобразный склад личности самого Ломоносова. Этот склад ставит его на особое место среди людей, мнение которых о труде представляет для нас не только историческую, но и актуальную ценность.

Что же важно для нас в складе личности Ломоносова?

Во-первых, это его широкое понимание труда вообще как созидательной деятельности в любой области науки и практики. Слова "труд", "тружиться" он применяет и к рудокопу, и к полководцу, и к живописцу, и члену императорской Академии Наук, и к мореплавателю, и т.д. И это отнюдь не от бедности словаря! Лексикон Ломоносова, как известно, богат и разнообразен. Слово его метко и точно и, если нужно, хлестко, и с этими качествами его языка мы далее невольно столкнемся. Но Ломоносов очень последовательно применяет понятие труда именно к процессам и

результатам продуктивной, полезной деятельности человека — будь то материальное или духовное производство, обучение людей или упорядочение социальных процессов.

Так, характеризуя сложность задачи подбора ("прибирания") оттенков цветов "по произволению художника", он отмечает, что делается это "с великим **трудом**". Характеризуя научный и практический вклад людей в изготовление больших "зажигательных зеркал и линз", он говорит: "Многочисленные ученые, а равно опытные и искусные мастера положили огромный **труд** на их изготовление". Говоря о членах Академии Наук, он отмечает, что "кроме обыкновенных **трудов**, которые от них полагаются на изыскание новых приращений в высоких науках, должны **трудиться** в наставлении молодых людей".

Во-вторых, это уважительное отношение к человеку как субъекту труда, доверие к его инициативе и интеллекту. Конечно, в необходимых случаях Ломоносов разрабатывает подробные предписания о выполнении каких-либо работ. Но и тогда он сознательно оставляет те или иные стороны труда "на произволению" людей, занятых им. Например: "После обыска руд при копании непосредственно требуется ям и рудников укрепление и махины для облегчения внутренних работ и для отвращения препятствий..., **которые исправить может без предписания всякий смысленный плотник**". Вот что Ломоносов говорит в связи с инструментами "горных людей": их "**всяк по своему изволению и по рассмотрению места сделать и употреблять может**". Завершая речь об укреплении "штольн", он добавляет: "Для прочих малых обстоятельств, при укреплении рудников случающихся, всяк может по состоянию места и твердости горы рассудив, **сам средства выдумать и произвести в дело**".

Такого рода утверждения отнюдь не случайность. Они встречаются в текстах, относящихся к самым разным видам деятельности. Давая подробнейшие рекомендации к снаряжению экспедиции по освоению "Сибирского океана" (Северного морского пути), Ломоносов считает нужным в заключительном разделе отметить: "Сии предписанные для показанного морского путешествия пункты наблюдать господам командирам со всякою исправностию; однако, смотря по обстоятельствам, имеют позволение делать отмены, служащие к лучшему успеху, что полагается на их благорассуждение и общее согласие, которое им паче всего рекомендуется, чтобы единодушным рачением и якобы единым сердцем и душою внимали, прилежали и усердствовали...". Обращаясь к слушателям на публичном собрании Академии Наук, он говорит: "...ежели слово мое где недовольно будет, собственною ума вашего острою наградите".

В-третьих, это отношение ко всякому труду "без гнушания", а точнее уважительное отношение ко всякому труду: "...предостеречь мне должно, дабы кто не подумал... якобы я с некоторыми нерассудными любителями

одной своей должности с презрением взирал на прочие искусства. Имеет каждая наука равное участие в блаженстве нашем".

Рассуждая о придуманном им оптическом инструменте, Ломоносов среди научных доводов, математических выкладок, аргументов экономического характера вдруг замечает: "Тут не нужно потеть за отливкой огромных стекол и заниматься докучнейшим трудом, полируя их, ибо несколько меньших стекол произведут то же действие". В этом же роде замечание в "Слове о пользе химии": "природные камни много поту и терпеливости требуют". Тема "пота" всплывает в его сочинениях нередко — надо полагать, академик Ломоносов хорошо знал, что это такое. И в этом, по-видимому, состоит одно из психологических объяснений того, почему уважительное отношение М.В. Ломоносова ко всякому труду является не случайным.

В-четвёртых, сам Ломоносов был "мастером на все руки", который брался и умело завершал самые разнообразные работы. Идет ли речь об "учинении проекта" нового "регламента" Академии Наук или об изготовлении цветного стекла, о написании трагедии по повелению ее императорского величества или о проведении химических, физических опытов, анализах солей, "пробах" руд по "ордеру" академической канцелярии, Ломоносов обнаруживает и глубокое понимание общественного смысла, перспективного значения творимого и дотошность, настойчивость, изобретательность в исполнении дела.

В-пятых, надо сказать о неумной любознательности, необычайной широте и активности интересов Ломоносова. Эта сторона его личности многократно отмечена и общепризнана. Даже при беглом просмотре его "репортов" — отчетов о работе в Академии, видно, насколько разнообразны были виды его занятости:

"...делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный, на морозе ярче, нежели в тепле" - такие опыты теперь посчитали бы психофизиологическими;

"...деланы пробы над присланными из академической канцелярии рудами. Сверх химической моей профессии давал наставления в поэзии студенту Николаю Павловскому";

"трудился в делании крашенных стекол, и в других химических опытах...";

"начал сочинять трагедию, которую именным е. и. в; указом сочинять поведено";

"чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностью";

"диктовал студентам первые основания физической химии и читал по ним лекции" — сам термин "физическая химия", кстати сказать, принад-

лежит Ломоносову, а эти лекции были первым в мире курсом нового предмета;

"кроме исполнения по канцелярским ордерам, как например сочинения планов и надписей к иллюминациям,... читал я студентам лекции по экспериментальной химии";

"делал разные приуготовления и примечания к сочинению "Российской истории";"

"делал физические опыты для определения градусов теплоты и стужи".

В-шестых, Ломоносову присуща широкая и детальная осведомленность в мире труда. Обсуждая вопросы физики, химии, физической химии, Ломоносов очень часто делает экскурсы в соответствующие области практического труда, обнаруживая дотошное знание подробностей. Описание области труда, даваемое Ломоносовым, оказывается подчас изумительно скрупулезным и многоохватным. Он принимает в расчет и внутреннюю — психологическую сторону труда, и внешние средства, инструменты, производственные условия. Можно подумать, что он читал современные нам работы по эргономике. Поучительно, что причину необходимости работ по улучшению условий труда Ломоносов усматривает в первую очередь не в выгоде, но в заботе о здоровье людей и их безопасности. Предлагая учитывать закономерности "вольного движения воздуха в рудниках", Ломоносов замечает, что расположение шахт и штолен "по выше показанным правилам" приведет к тому, что "работникам легче и хозяевам безубыточнее". — Выгода на втором месте по отношению к мысли о работнике.

"Труждающиеся" у Ломоносова не только совершают рабочие движения, но "рассуждают", "видят", "примечают", проявляют "осторожность", имеют "надежды", "изволение" или "произволение", печалятся, радуются, проявляют мужество и т.д. Некоторые разделы его сочинения о "рудных делах" изложены (и даже озаглавлены) буквально в таких терминах, как "осторожность горных людей", "надежды рудокопов", "надежды от положения жил", "надежды от жильных материй" и т.д. Иначе говоря, технология часто изложена как бы глазами человека, непосредственно включенного в труд с его муками и радостями, а не с позиции стоящего в стороне (или "надстоящего") наблюдателя-регистратора.

Наконец, для Ломоносова характерно гармоничное сочетание теоретического и практического творческого ума. Это утверждение едва ли нуждается в специальном обосновании — весь неподдающийся охвату вклад М.В. Ломоносова в отечественную культуру говорит об этом как нельзя более красноречиво.

Зная практический мир труда как немногие из его современников, Михаил Ломоносов проследил и многие его законы так же, как испытывал он физики и химии, горного и стекольного дела, грамматики и стихосло-

жения. Отнюдь не забывал отец российской науки и о том, что в наши дни принято обозначать "человеческим фактором". Это тем более ценно, что писалось все это в условиях сословно-классового общества.

Уже из приведенных выше высказываний Ломоносова ясно, что он четко выделял психологическую — субъективную — сторону труда. Перечислим те особенности психологии труда, о которых сказано в работах Ломоносова.

Во-первых, труд невозможен без смысла, мотивации, стимулирования. Проектируя крупное предприятие (например, освоение "Сибирского океана" или "исправление" Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук), Ломоносов детально разрабатывает систему стимулирования занятых соответствующими делами людей, в частности, способов их "ободрения", "утешения" и т.д. В научных сочинениях, публичных выступлениях, заметках, "мнениях" и разработках Ломоносов неизменно ярко рисует ценностные представления, которые как бы призваны задать мотивационную основу той или иной полезной деятельности. В результате возникает целая система "смыслов" труда. Это и "умножение счастья человеческого рода", и "слава и польза ("вечное удовольствие") отечества", и преодоление тягостных состояний ("умаление скуки"), "облегчение работ", "отвращение препятствий", в том числе благодаря использованию приспособлений, "махин", удобство и безопасность труда, экономическая выгода, удовольствие ("увеселение") от нахождения истины, страсть "насыщать свой дух приятностью самого дела" и многое другое.

Вот ломоносовский идеал труда: "Рассуждая о благополучии жития человеческого... не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит. Ничто на земли смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувствие тягостного труда, некоторою сладостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностию оных возбуждает совершенную радость".

Во-вторых, труд предполагает волевое усилие человека, совершающего его, и часто невозможен без такого усилия. Так, Ломоносов отмечает: "При искании жил не надлежит скоро от дела отставать, когда оно нескоро до руд дойдет, ежели многие признаки их на том месте показывают". Обрисовав сложность задачи изучения причин происхождения света, М.В. Ломоносов, как бы помогая читателю-исследователю мобилизоваться, восклицает: "Что ж нам оставить ли надежду? Отступить ли от труда? Отдаться ли в отчаяние об успехах? Никак! Разве явиться желаем нерадивыми и подвига... в испытании природы героев недостойными?" Здесь как бы называется и внутреннее средство волевой мобилизации субъекта труда.

В-третьих, условия и средства труда нельзя создавать, не думая об особенностях психологии людей. Требования профессии к человеку отличаются в работах Ломоносова весьма тонкой нюансировкой в зависимости от специфики деятельности. Вот как обнаруживается указанное обстоятельство, например, в проектах, связанных с освоением Северного морского пути. Ломоносов пишет: "Приготовляясь к сему важному предприятию, должно рассуждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты". Что касается людей, то читаем, в частности следующее: "Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному, бывалому, особливо в Северном море, у которого есть острая смелость и благородное честолюбие".

Затем указано, какими знаниями и каким специфическим опытом должны располагать разные участники похода: "...на всяком судне по два или три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук", "...взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблю, а по льду тягую, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей" (так сказать, "тест" на пригодность к предстоящей работе — Е.К.). Далее Ломоносов говорит о необходимости знания некоторыми членами экспедиции языков местных народов, особенно чукотского, и добавляет: "При сем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашних".

В-четвертых, сама структура больших вновь создаваемых предприятий должна учитывать психологию трудящихся там людей. В своих проектах Ломоносов умел также учитывать сферу делового взаимодействия людей (социально-психологические явления, как теперь говорят). Соответствующие идеи высказываются Ломоносовым по поводу любого мало-мальски важного дела, будь то проверка кунсткамеры, постройка зданий, работа Академии или работа в лаборатории. Сам Ломоносов относился к работающему человеку с теплотой и доверием, будь то академик или плотник. В "Регламенте" Академии, отметив, что геометр "должен приращениям чинить в чистой высшей математике", Ломоносов указывает и на то, чтобы он старался "о сокращении трудных выкладок, кои часто употребляют астрономы, механики и обще, где в испытании природы и в художествах требуются исчисления. Товарищам своим, кои в других науках упражняются и требуют иногда для поверения выкладки, кои превосходят их силы, может спомогать по-дружески". "Академик, разбирающийся в

древностях еврейских, греческих, римских и северных народов... с историографом сносясь, могут подавать один другому доброе взаимное вспоможение".

В заметках для себя Ломоносов пишет: "На людей, имеющих заслуги перед республикой (общим делом — Е.К.) науки, я не буду нападать за их ошибки, а постараюсь применить к делу их добрые мысли". И еще: "Ошибки замечать не многого стоит; дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку".

Итак, Михаил Ломоносов — и исключительный труженик, и глубокий знаток психологии труда, законы которой он учитывал и открывал не ради академических деклараций, а для непосредственного применения в деле. На этот подход к труду стоит и поныне равняться не только профессионалам-психологам-трудооведам, но и всякому сознательно работающему "на результат" человеку.

Подготовлено к печати А. Соболевским

ЛОМОНОСОВ И СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

№5(58), 2007

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Географически лицо России обращено на север. Естественно, что освоение северных морей издавна занимало мысли самых прогрессивных политиков, учёных и путешественников. Первоочередной задачей все видели задачу отыскания Северного морского пути — пути, огибающего с севера Европу и Азию. Этот путь представлялся очень выгодным с экономической точки зрения, и интерес к его открытию начал появляться уже 400 лет назад.

В открытии Северного морского пути ведущая роль принадлежит народам России, которые внесли решающий вклад в изучение полярных и приполяр-

ных стран, в развитие ледового мореплавания и судостроения. В 1720 году Пётр первый выдвинул проблему Северного морского пути в ранг государст-

венных проблем и приступил к её разрешению. По замыслу Петра Первого уже в царствование Анны Иоанновны была организована Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг., одной из задач которой, по словам академика Г. Миллера, было "устройство сообщений по Ледовитому морю, чтобы выяснить, нельзя ли таким образом открыть в интересах торговли более удобный путь на Камчатку, чем длительная сухопутная дорога через всю Сибирь". Отряды Великой Северной экспедиции закартировали всё побережье Ледовитого океана от Белого моря до устья Колымы, что дало возможность россиянам уже в XVII–XVIII веках представлять великий северный водный путь во всём его огромном протяжении от берегов Европы до Камчатки и Китая, хотя на картах западноевропейского происхождения его по-прежнему изображали значительно менее протяжённым, чем это было в действительности.

После Петра I вопросом о Северном морском пути вплотную занялся другой великий русский человек — Михаил Васильевич Ломоносов. То, что именно Ломоносов явился в отношении исследования Северного морского пути продолжателем Петра I не случайность. Гениально одаренный ученый, обладавший ясным практическим умом, Ломоносов был уроженцем Русского Севера. Родина Ломоносова дала много выдающихся полярных мореходов, а из Холмогор — родного города Ломоносова — вышел Федот Алексеев, впервые доказавший существование Берингова пролива, а тем самым и существование сквозного морского пути через Ледовитый океан из Атлантического океана в Тихий. В юности Ломоносов, плавал на зверобойных судах в Белом море, и часто слышал рассказы поморов об их походах на Новую Землю и зимовках на этом арктическом острове. Слышал он и передававшиеся из поколения в поколение рассказы о смелых плаваниях поморов через Карское море в Мангазею (центр пушной торговли в XVII веке), стоящую на реке Таз, и о бесчисленных плаваниях казаков и торговых людей, большей частью выходцев из Архангельского края, в "Сибирском океане", то есть в море Лаптевых и Восточносибирском море.

Ломоносову было ясно огромное экономическое значение, которое мог бы иметь для России Северный морской путь; было ясно и то, что никто лучше русских, имевших многовековой опыт полярных плаваний, не сможет разрешить эту проблему. "Северный океан, — по мнению Ломоносова, — есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез Изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку".

Обстоятельно изучив историю полярного мореплавания и собрав все имевшиеся в то время сведения по физической географии полярных стран, Ломоносов приступает к составлению проекта большой морской экспедиции, которой ставит задачу разрешения вопроса о Северном морском пути. Первое сочинение Ломоносова на эту тему написано в 1755 году и но-

сит название "Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном". Оно осталось неопубликованным. В сентябре 1763 года Ломоносов представляет в Морскую российскую флотскую комиссию весьма основательно разработанный проект экспедиции Северным морским путем, озаглавленный "Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию". Эта одна из наиболее замечательных книг русской полярной литературы была издана лишь в 1847 году Гидрографическим департаментом.

Ломоносов разбирает все экспедиции, которые когда-либо проводились, и на основе этих данных выстраивает свой собственный проект прохода северным путём, основанный на глубоких познаниях, личном опыте северных мореплавателей и научных исследований. Ломоносов разрабатывает множество различных навигационных приборов, для плавания в разную погоду.

Ломоносов выдвигает попутно целый ряд научных гипотез, которые в большинстве своём впоследствии подтвердились. Некоторые только в XX веке. Так, например, он даёт объяснение образованию северного сияния. Описывая морские льды, Ломоносов впервые даёт терминологию полярных льдов, различая три главных вида: сало, ледяные поля и айсберги. Он первый установил, что речные воды, вливающиеся в Северный Ледовитый океан, способствуют усиленному образованию льда в прибрежных районах. В указании что "чем мороз сильнее и далее действует, тем лед становится толще", Ломоносов впервые формулирует зависимость толщины льда, от так называемого количества градусо-дней мороза, зависимость, которая впоследствии, главным образом на основании работ советских ученых, нашла себе математическое выражение. Подробно Ломоносов останавливается и на динамике льдов Северного Ледовитого океана, отмечая, что "к движению своему (льды) имеют две причины: первую — течение моря, вторую — ветры". Это положение и в настоящее время является основой всех исследований по вопросу о дрейфе льдов. Ломоносов с изумительной прозорливостью указал, что в открытой части Северного Ледовитого океана дрейф льдов должен происходить в направлении с востока на запад. Правильность этого положения была впервые доказана дрейфами "Жанетты" в 1879–1881 годах и "Фрама" в 1893–1896 годах и позже подтверждена дрейфом "Седова" в 1937–1940 годах. Интересно указание Ломоносова на то, что глубоко сидящие льдины движутся преимущественно под влиянием течения, а более мелкие льдины — под влиянием ветра. Справедливость этого положения была доказана уже в текущем веке многочисленными наблюдениями над движением айсбергов и ледяных полей, поставленными Международной ледовой службой на северо-западе Атлантического океана.

По первоначальному мнению Ломоносова, наиболее лёгкий в ледовом отношении маршрут для экспедиции, которая тогда проектировалась, пролегал от северной оконечности Новой Земли на восток, вдали от сибирских берегов.

Ломоносов был, таким образом, сторонником "высокоширотного варианта" Северного морского пути (как его называют теперь), который противопоставляется южному варианту, пролегающему вдоль побережья Северного Ледовитого океана (этим последним вариантом суда пользуются в настоящее время). Мысль о том, что в более высоких широтах льды легче проходимы, чем вблизи побережья Азии, была высказана впервые западноевропейским географом Планциусом, который и посоветовал голландскому мореплавателю Виллему Баренцу, направлявшемуся в 1594 году на поиски Северного морского пути, начать своё арктическое плавание от северной оконечности Новой Земли.

Интересно, что о "высокоширотном варианте" Северного морского пути упоминается и в одной старинной русской рукописи, относящейся к царствованию Алексея Михайловича и озаглавленной "Описание, чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии". Здесь говорится: "Пишут же землеписатели, что буде кто не близ берега морем, но далеко в акиане плавати будет, может пройти в Китай".

Насколько среди ученых того времени был популярен "высокоширотный вариант" Северного морского пути, видно из того, что на карте, приложенной к известному сочинению "Собрание путешествий на север" (издано в Амстердаме в 1731 году), изображен именно этот вариант. Весьма обстоятельно Ломоносов разработал вопрос о снаряжении экспедиции. По его мнению, суда для этой экспедиции должны были быть "невелики, легки, крепки, поворотливы". Памятуя, что во времена Ломоносова не было ни ледоколов, ни вообще паровых судов, приходится согласиться, что указанные Ломоносовым качества судов действительно наиболее отвечали условиям полярного плавания. Доказательством этого могут служить плавания северо-западным проходом, по пути, пролегающему из Баффинова залива на запад, вдоль американского материка, или среди проливов Канадского арктического архипелага. Этот путь был пройден всего только три раза, и каждый раз на маленьком, но крепком и поворотливом судне.

Начальство над экспедицией Ломоносов считал нужным поручить "офицеру из флота, искусному, бывалому, особливо в Северном море". Кроме матросов, по мнению Ломоносова, в экспедиции должны были участвовать около десяти поморов промышленников, "особливо которые бывали в зимовках и заносах и привыкли терпеть стужу и нужду; притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей".

В случае успешного окончания экспедиции Ломоносов предлагал выдавать матросам жалованье в тройном размере до самой их смерти. Продовольствия должно было быть взято "по малой мере на три года, и чем больше, тем лучше". Не забыл Ломоносов и противочинготные средства, известные в то время: сосновую водку, сосновые шишки, морошку.

В отличие от чиновников, Ломоносов главную задачу экспедиции видел в научных исследованиях Севера. Он предлагает целую программу научных

работ, сам делает приборы для рекомендованных им исследований. Однако, не все его пожелания были выполнены. Многие посчитали излишним. Так, например, в экспедицию не включили художника, хотя Ломоносов считал, что будет важно зарисовать многое из того, что увидят мореплаватели.

Экспедиция, которая состоялась уже после смерти великого учёного потерпела неудачу. Дважды отважные мореплаватели пытались прорваться сквозь льды и дважды терпели фиаско. Впрочем, это ни в коей мере нельзя объяснить неудачностью проекта Ломоносова, просто технические средства тех времён не позволяли выполнить столь сложную задачу. Но и тот материал, который сумела собрать экспедиция, оказался весьма богатым и полезным.

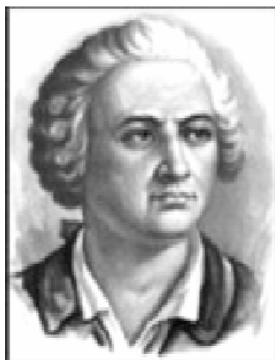
Более поздние арктические экспедиции, завершившиеся успешным поиском сквозного Северо-Восточного морского прохода между Азией и Америкой, принесли подтверждение, что "заслуга Ломоносова в истории освоения Северного морского пути заключается не только в том, что он указал на возможность плавания по нему, что одно само по себе было немаловажным вкладом в науку, но и в том, что он впервые это научно обосновал и доказал".

Боярченко Ю. 530 гр.

ВАСИЛЕОСТРОВЦЫ СПАСЛИ ЛАБОРАТОРИЮ ЛОМОНОСОВА

№3(63), 2008

К 300-летию рождения М.В. Ломоносова
К 75-летию физического факультета МГУ

2 апреля в Санкт-Петербурге во дворе дома №43 по 2-й линии Васильевского острова была установлена доска с исторической справкой о том, что здесь Михаил Васильевич Ломоносов создал первую в России химическую лабораторию.

В защиту фундамента лаборатории, который должен послужить основой для создания мемориального комплекса, выступали сотни жителей города. В результате, принято решение отказаться от застройки этого участка. Во время раскопок, проводившихся на этом месте в 1988–1989 годах, археологи обнаружили хо-

рошо сохранившийся фундамент, а также части кирпичных стен, опоры свода и фундамент изразцовой печи лаборатории.

Место было "законсервировано". Но вот "Агентство по управлению имуществом Российской Академии наук", государственное учреждение "Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук" и общество с ограниченной ответственностью "Промышленно-строительная компания "Импульс" должны были построить многофункциональный жилой комплекс со встроенными помещениями. Музею Ломоносова отводилось в нем небольшое помещение на первом этаже.

В январе 2006 года Валентина Матвиенко в своем письме сообщила депутату Законодательного Собрания Алексею Ковалеву, что участок, занимаемый фундаментами лаборатории имени Ломоносова, входит в состав земельного участка под жилое строительство. Авантюрные планы стали известны жителям Васильевского острова, которые начали писать возмущенные письма. Выяснилось, что фундамент лаборатории М.В. Ломоносова включен в список объектов культурного наследия.

В феврале и марте 2006 года от чиновников стали приходиться письма, что сведения о выделении земельного участка для строительства жилого дома на месте лаборатории М.В. Ломоносова — ошибочны. Первые, самые трудные шаги по спасению будущего музея от чиновников и коммерсантов были пройдены. Постепенно удалось приостановить согласование всех предпроектных разработок.

4 июня состоялась акция протеста в защиту сквера и фундамента.

А 4 декабря 2007 года исполняющий обязанности председателя комитета по градостроительству и архитектуре А.А. Далматов подписал распоряжение об отмене подготовки проекта планировки и межевания на этой территории. К 2011 году, 300-летию Михаила Васильевича Ломоносова, на Васильевском острове должен появиться музей первой в России химической лаборатории.

ИА "ИКД"

ЗА ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ ИЛИ ОТМОРОЗОК В ПОИСКАХ ЛЕДЯНОЙ СВЕЖЕСТИ №4(64), 2008

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

"Гордиться славою своих предков не токмо можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие".

А.С. Пушкин

Знаменитый персонаж Михаила Булгакова говорил, что достаточно прочитать пять страниц из любого романа Достоевского, чтобы понять:

это писатель. Действительно, настоящего писателя узнаёшь сразу, по первым строкам. Если положить, что все люди делятся на писателей и неписателей, то из утверждения Коровьева вытекает обратное: если прочтя пять страниц, вы не поняли, что имеете дело с писателем, то значит, вы столкнулись с чем угодно, но не с литературой. Лично мне такая логика представляется спорной в принципе, но справедливой во многих частных случаях.

Недавно в свет вышла книга модного современного автора Александра Никонова "История отможенных в контексте глобального потепления". М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007. Буду честен, я не смог полностью прочесть

книгу, но все же осмелюсь немного порассуждать.

Во-первых, из самого названия книги, которое перекликается с навязшим в ушах рекламным слоганом "отморозки в поисках ледяной свежести", и её оформления уже можно сделать осторожный предварительный вывод: это явно не научное исследование в его классическом понимании (в лучшем случае, что-то научно-популярное), с одной стороны, и это ни в коем случае не художественная литература, даже в её беллетристическом виде, с другой. При чтении же убеждаешься в этом всё больше и больше. Постоянно убеждаешься. Язык автора, это не язык научно-популярного журнала или хорошей книги для чтения в дороге, это язык жёлтой газеты. Не буду голословен.

"Многие читали книгу, а ещё больше людей видели фильм (их целых два) или мюзикл по роману Каверина "Два капитана". Очень популярное произведение! Поэтика севера. Покорители Арктики... <...> А если задуматься — чего это вдруг Советская власть так резко взялась покорять севера?? Ну, ясное дело, всякие ископаемые там, Северный морской путь..."

"Ладно, хватит самобичеваний. Поехали лучше в Китай! В Китае хорошо. Там люди ведут наблюдения за погодой уже тысячи лет".

И так далее. Этот тон и стиль были бы хоть как-то извинимы при наличии серьёзных данных и, сделанных на их основе, выводов. Ни первого, ни второго мне не посчастливилось увидеть, зато я столкнулся с безнравственным снобизмом и крайне низким уровнем культуры. Описывая, безусловно, варварский факт сожжения Александрийской библиотеки хали-

фом Омаром, А. Никонов в эдакой игривой манере, не гнушаясь сленгом обитателей "мест не столь отдалённых", высказывает, по его мнению, гуманную альтернативу уничтожению древних рукописей: "...Эх, лучше бы он велел замочить полгорода, чем сжигать Александрийскую библиотеку!.." Возможно, автор увлёкся и вошёл в образ, ибо этот призыв помещён в части с названием "Климатическая криминалистика" (глава вторая "Когда деревья были маленькими"), но Станиславский такое вживание в образ вряд ли одобрил бы.

Но особенно автор преуспел в "разоблачении" Ломоносова вообще и его проекта открытия Северного морского пути в частности. Эти изыски автора особенно актуальны в канун трехсотлетия со дня рождения М.В. Ломоносова. "...Михайло Ломоносов фактически учёным не был, поскольку ничего в науке не сделал. Зато Михайло был толковым администратором от науки и умел добывать деньги. Причём не всегда эти деньги шли на пользу государству российскому. <...> Помимо денег любил Михайло фантастические проекты". Это уже прямое обвинение в воровстве. Автора нисколько не смущает тот общеизвестный факт, что Ломоносов до конца дней жил в бедности и капиталов никому не оставил. Впрочем, для профессионального обличителя это не аргумент, он сразу скажет, что "Михайло" либо клад зарыл, либо миллионы в кабаках прокутил.

А уж голословное утверждение, что Ломоносов ничего не сделал в науке, не выдерживает вообще никакой критики. Если даже не учитывать достижения Михаила Васильевича в других областях, а взять только геофизику севера, то оказывается, что им сделано весьма немало открытий и выдвинуто множество гипотез и теорий, которые подтвердились впоследствии, — некоторые только в двадцатом веке. Ломоносов объясняет происхождение северного сияния, характер образования и дрейфа льдов в Ледовитом океане и пр. (Подробнее об этом можно прочитать в книгах В. Анциферова и В. Визе с одинаковым названием "Ломоносов и Северный морской путь".) Безусловно, эти открытия не столь яркие и не имеют таких важных последствий как, например, закон всемирного тяготения Ньютона или теория относительности Эйнштейна, но говорить, что их автор не учёный совесть не позволила бы даже Александру Никонову (имей он совесть!). Скорее всего, он просто не удосужился хоть немного изучить затрагиваемый вопрос, а стремился написать как можно больше сенсационного, то есть налицо недобросовестность.

Под "фантастическими проектами" Никонов подразумевает экспедиции, пытавшиеся открыть Северный морской путь, которые были снаряжены по предложению и в соответствии с инструкциями Ломоно-

сова. Конечно, сегодня совершенно очевидно, что в восемнадцатом веке проект реализован быть не мог по техническим причинам, но тогда знать этого никто не мог, и странно осуждать людей за неудачную попытку сделать важнейшее военное и экономическое открытие. И нельзя говорить, что экспедиции закончились "триумфальным провалом", ибо во время них был сделан целый ряд интересных научных наблюдений. Впрочем, Александру Никонову это совершенно неинтересно. Зато ему интересно выставить Ломоносова подлецом, который сваливает вину на других: "И кому, вы думаете, влетело за провал экспедиции? Чичагову (капитан экспедиции — Ю.Б.), конечно! Ему устроили форменный разнос в адмиралтейской коллегии". Но ведь Ломоносову и не могло "влететь за провал", ибо, когда Чичагов вернулся, Ломоносов уже умер.

А за провалы платят всегда — так и только так может быть устроена жизнь. Чичагову просто не повезло. Впрочем, разнос разносом, а Екатерина II наградила всех участников плавания, так что Никонов и тут краски сгустил.

В силу всего вышесказанного вызывает множество сомнений ещё одна история, которую автор рассказывает между делом. Якобы ещё в 1609 (!) году существовала карта российской Арктики, на которой "значились Новая Земля с проливом, устье Енисея, несколько островов в Карском море, западная часть Таймыра и северная оконечность Ямала". Каким же, простите, образом была составлена карта? Предположение о возможности длительного плавания по Ледовитому океану с целью составления карты во времена смуты или ранее представляется настолько бредовым, что даже от "жёлтого" автора не ожидается. Но бумага и правда всё терпит. Вызывает удивление и непонимание автором стратегического значения такой карты, если она была: Ледовитый океан надежно прикрывал веками нашу страну с Севера.

Если же ко всему вышеизложенному прибавить полное отсутствие ссылок хоть на какие-нибудь источники, то вывод о степени ценности и правдивости книги напрашивается сам собой. Вероятно, просто отмороженный автор захотел ледяной свежести издательских гонораров. За сенсации платят больше, поэтому можно не погнушаться ложью, клеветой и эпатажем. Ведь деньги, как известно, не пахнут.

Читая Никонова, лишний раз убеждаешься в правоте Михаила Васильевича Ломоносова, говорившего: "Поражаюсь, сколь много может наколобродить свинья, допущенная к древностям российским!"

*Боярченко Ю.,
студент 530 гр*

НАША ИСТОРИЯ

№9(69), 2008

*"Без памяти нет совести!"**А.С. Пушкин*

260 лет назад (23.10 1748) Михаил Васильевич Ломоносов основал первую в России химическую лабораторию. Историю о том, как ученые РАН и К⁰ пытались на фундаменте этой лаборатории, включенном в список объектов культурного наследия, построить жилой комплекс можно прочитать в "Советском физике" № 3(63) 2008.

18 ноября 1748 Михаил Васильевич создал первый в мире анемометр (!) — прибор для определения направления и силы ветра.

"МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

№5(749), 2009

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

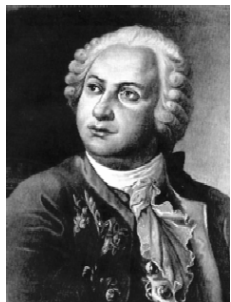
В.А. Садовничий провел совещание в ВНИИЭМ с заместителем руководителя Роскосмоса А.Е. Шиловым и генеральным директором

ВНИИЭМ Л.А. Макриденко. На совещании была достигнута принципиальная договоренность о начале следующего этапа запуска университетских спутников — проекте создания нового спутника "Михайло Ломоносов". Планируется, что его запуск удастся приурочить к 300-летию юбилею великого ученого, который будет отмечаться в октябре 20011 года.

*"Московский университет",
№19, 2009.*

М.В. ЛОМОНОСОВ №8(77), 2009

К 300-летию со дня рождения

Ведущий научный сотрудник, доктор физ.-мат наук, лауреат Государственной премии Виталий Константинович Новик написал статью о Михаиле Васильевиче Ломоносове.

Статья необычна по содержанию — она посвящена не столько Ломоносову, сколько анализу образов Михаила Васильевича (мифов), которые существовали, и существует в умах сограждан России. Анализируется отношение к образу М.В. Ломоносова различных государственных институтов (власти, православной церкви, органов образования, Академии наук).

С другой стороны в статье содержится много интересных фактов, которые, вероятно, не знакомы широкому кругу читателей. Например, о том, как отмечались в России ранее даты, связанные с М.В. Ломоносовым.

Надеюсь, что статья В.К. Новика найдет заинтересованных и благодарных читателей.

Для того, чтобы читатели получили представление о содержании статьи, приводим ниже оглавление двух частей статьи и Лирический эпилог, ее завершающий.

Показеев К.В.

Часть I. ЛИЧНОСТЬ **Содержание**

Вступление

Кончина и три мнения

Мнение просвещенного слоя и духовенства

Мнение профессоров Академии Наук

Мнение Императрицы и двора

Прижизненная драма

Литература

Часть II. ОБРАЗЫ ЛОМОНОСОВА, XVIII–XXI ВЕК

Содержание

Образ национального героя, поэта-патриота

Образ создателя Московского университета

Образ юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным бозом в Москву

Образ ученого-энциклопедиста

200-летний юбилей. Образ националиста и роповедника. Закон Ломоносова

Образ Ломоносова и Советская власть

Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма

Лирический эпилог

Литература

Лирический эпилог

Давайте же, читатель, поставим рядом образы Ломоносова. Будучи оживлены, они бы с удивлением взгляделись друг в друга, не узнавая ни себя, ни своих коллег.

Образ поэта, который писал на малопонятном ныне языке, но оставил несколько чеканных фраз, врезавшихся в память. Поклонимся этому образу. Образ ученого, что "все науки превзошел", и удивил мировые умы своими достижениями. Ну что же, склонимся и перед ним. Образ создателя Московского Университета достоин благодарной памяти, всяческой признательности и монументов. Образ ратателя земли русской, известный ныне лишь небольшой группе ученых-патриотов. Выразим признательность и ему. Но все образы этих вальяжных особ в париках и камзолах с некоторым недоумением и высокомерием смотрят на образ юноши, который в погоне за знаниями преодолел снежные просторы и который, собственно, явил миру и превзошел известностью их всех. И если десятки мудрых, высокоученых мужей живописали образы этих напыщенных персон, а сами персоны были известны лишь тысячам, то образ угловатого юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву, созданный скромными авторами детских книг, стал родным и понятным миллионам и миллионам во многих поколениях. Именно этот неугомонный русский отрок пробуждал в юной поросли городов и сёл великие мечты, и именно таким остается Ломоносов в памяти большинства нашей страны.

Счастлива страна, которая может предложить детским взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

ВЕЧЕР,
ПОСВЯЩЕННОЙ ПОЭЗИИ М.В. ЛОМОНОСОВА
№3(80), 2010

К 300летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Михаил Васильевич Ломоносов — великая, знаковая личность российской истории, образования и науки. У многих он ассоциируется с химией и физикой, и, к сожалению, представление о Ломоносове как о многогранном творческом человеке, прекрасном поэте и великом филологе не является широко распространенным. Исправить ситуацию в преддверии 300-летия со дня его рождения призвано было необычное мероприятие — вечер поэзии Михаила Васильевича Ломоносова, проведенный на Физическом факультете МГУ в ноябре 2009 года, — особое событие в культурной жизни Университета, позволившее объединить исследователей его творчества, представляющих различные факультеты и разные взгляды на труды и произведения Михайло Васильевича.

Фрагмент одной из мозаик — «Императрица Елизавета Петровна», 1758–1760 гг.

М.В. Ломоносов

Инициатором проведения вечера стал профессор Владимир Ильич Трухин, лично курировавший работу по организации мероприятия и привлечению докладчиков. Владимир Ильич открыл вечер, во вступительном слове указав на яркость и многогранность творчества Михаила Васильевича и

переплетение научных и поэтических замыслов Ломоносова (в частности, на отражение физики и астрономии в поэзии Михаила Васильевича). Организацией вечера непосредственно занимались профессор Анатолий Иванович Федосеев, подготовивший замечательный иллюстративный материал по мозаикам Ломоносова, и член Союза писателей, руководитель Литературно-художественной студии Физического факультета Юрий Дмитриевич Нечипоренко, который выступил в роли ведущего вечера и в завершении сделал доклад об экспрессии поэзии Ломоносова. В этом докладе вводилось представление об «исторической оптике», в соответствии с которой реформаторскую роль Ломоносова в поэзии XVIII века можно уподобить роли Маяковского в поэзии XX века. Заведующий кафедрой биофизики профессор Всеволод Александрович Твердислов рассказал удивительные вещи о статье в области биофизики, автором которой был Ломоносов: по сути, основатель МГУ предугадал современную теорию распространения нервного импульса! Профессор Виталий Константинович Новик показал, как Ломоносов в своих переводах учебника физики Вольфа сформировал русский язык в области физики и естествознания.

Приятно отметить, что в этом интереснейшем вечере приняли участие и представители Филологического факультета МГУ, а именно, профессор Олег Алексеевич Клинг выступил с докладом «М.В. Ломоносов — авангардист», где показал основополагающую роль Ломоносова в становлении нового русского стихосложения XVIII века. Доцент кафедры русской литературы Анна Валерьевна Архангельская в своем сообщении рассмотрела "малые жанры" поэтического творчества М.В. Ломоносова — притчи, басни, эпиграммы. Интересно то, как они могли включаться в научный трактат (стихотворный анекдот «Случились вместе два Астронома в пиру» входит в «Прибавление» к физическому трактату «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской Академии наук мая 26 дня 1761 года»), быть репликой в литературном споре (эпиграмма «Женился Стил, старик без мочи...» написана по поводу дискуссии о словоупотреблении в русском языке) или просто откликом на какую-то ситуацию («Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»).

Анна Архангельская

Присутствующие на вечере живо интересовались происходящим

былись любителями остроумных шуток и забавных анекдотов, подчас весьма и весьма далеких от знакомства с остальной частью Ломоносовского поэтического творчества.

Присутствующие на вечере студенты и сотрудники Университета живо интересовались докладами, а после вечера между докладчиками и зрителями завязалась беседа. Вечер поэзии Ломоносова дал импульс научному и творческому сотрудничеству между физическим и филологическим факультетами.

Участники Литературно-художественной студии также не остались в стороне от этого события — лауреаты конкурса, который специально провёл к этому вечеру Клуб Поэзии, прочли на вечере стихотворения о Михаиле Васильевиче и науке и получили призы и грамоты. Приведем стихотворение студентки Физического факультета Ксении Птицыной «О Ломоносове»:

О, Русский Север, не твоя ль природа создана,
Чтоб, глядя на тебя, мечтать о вечном?
Твоих могучих валунов задумчивая простота,
Не ты ль вселяешь мысль о бесконечном?
О, белой ночи таинство и чудо,
Раскинутой над Северной Двиной -
Свое величие указывает мудро
Создатель нам всесильною рукой.

Не здесь ли зародиться новой мысли,
Сплетенью дум и разума словам?
И не отсюда ли велику мужу выйти
Во славу своим дедам и отцам?

Вечер поэзии не мог обойтись без стихотворений самого Михаила Васильевича. Участники цитировали выдержки из стихотворений Ломоносова, а студентки филологического факультета Мария Панкратова и Стелла Газихмаева прочитали несколько стихотворен и басен великого поэта и ученого.

Резюмируя, стоит отметить, что вечер поэзии Ломоносова — мероприятие для факультета и университета знаковое, и мы рады, что оно прошло именно на физическом факультете, который оказался местом встречи физиков и лириков — ведь сам Михаил Васильевич обнимал в своём творчестве науку и поэзию. Гражданский пафос лирики Ломоносова связан с великими преобразованиями, которые были проведены в России ХУШ века. Вновь наша страна вступила в эпоху перемен, и привлечение внимания к фигуре Ломоносова позволит увидеть во всём объёме личность творца русской культуры, личность, которая может служить примером нынешним поколениям студентов.

*Дмитрий Ваганов,
Директор Литературно-художественной студии
Физического факультета*

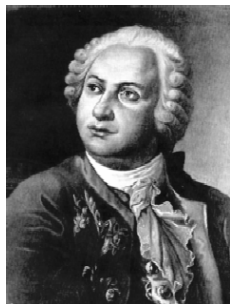
М.В. ЛОМОНОСОВ — СОЗДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА №5(82), 2010

К 300-летию со дня рождения

Приводим отрывок «Образ создателя Московского университета» из книги В.К. Новика «М.В. Ломоносов, личность и образы».

Период затухания известности Ломоносова-поэта совпал с зарождением образа Ломоносова как основателя Московского Университета. В сентябрьском номере «Московского телеграфа» за 1825 г.¹ было опубликовано

¹ «Московский Телеграф». 1825. № 18. Стр. 131-136; М.В. Ломоносов. ПСС. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1957. Т. 10. Стр. 508, 613, 514.

ликовано, найденное П.А. Мухановым, письмо Ломоносова к Шувалову. В небольшом письме (два листочка, датированных историками до 19 июля 1754 г.) Ломоносов высказывает мнение о подготовленном Шуваловым доношении в Правительствующий Сенат об «Учреждении Московскаго Университета» и «при оном Гимназии». Журнал призвал «уметь понимать великих людей, ...приучиться судить о них как о необыкновенных явлениях нравственного мира — и тогда только можем оценить их дела, слова, предприятия.

Как велик тогда покажется нам Ломоносов!». И читающая публика в последствии с готовностью восприняла это единственное документальное свидетельство, утвердив пером Пушкина (см. выше):

«..Он создал первый русский университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Против второй фразы возразить ничего нельзя, но в памяти большинства осталось именно первая.

Университет был учрежден указом императрицы Елизаветы I 12 января 1755 г. и вскоре открыт. Немногочисленные, вскользь высказанные, реплики самого Ломоносова о своей роли в этом событии относятся к более поздним датам. Перечислим их. Добиваясь протекции Шувалова в получении чина вице-президента АН (февраля 14-апреля 17 1760 г.), среди других аргументов он указывает: «..5. и прежде сего советы давал о Московском университете...»ⁱⁱ. Через четыре года, в пространной рукописи об истории академической канцелярии, Ломоносов уже называет себя инициатором создания Московского Университета. Уликая в интригах Л.Л. Блюментроста*, он писал: «..и Ломоносов, будучи участником при учреждении Московского Университета, довольно приметил в нем нелюбиа к российским ученым, когда Блюментрост назначен куратором и приехал из Москвы в Санктпетербург: ибо не хотел, чтобы Ломоносов был больше в советах о университете, который и первую причину подал к основанию помянутого корпуса...»ⁱⁱⁱ. Последнее утверждение не нашло подтверждения в каких-либо сторонних документах. Часто цитируемый мемуарный источник^{iv} вряд ли может считаться надежным в деталях.

ⁱⁱ М.В. Ломоносов. ПСС. Т.10. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1957. Стр. 537, письмо № 64.

* Blumentrost Laurentius, 29.10.1692 – 27.3.1755 гг. Первый Президент Имп. СПб-ой АН. Один из официальных создателей Московского Университета.

ⁱⁱⁱ М.В. Ломоносов. ПСС. Т. 10. Изд-во АН СССР. М.-Л.1957. Стр. 312, § 67.

^{iv} И.Ф. Тимковский. Мое определение на службу. Часть 3. Шувалов. «Москвитянин». 1852. Т.5, № 20. Отд. IV «Исторические материалы». Стр. 51-69.

Автор через 53 года публикует свои беседы 1797-го года с престарелым Шуваловым, имевшие место за несколько месяцев до его кончины.

Исчерпывающе, буквально подневное, собрание документов по истории Московского университета, опубликованное Д.Н. Костышиным, свидетельствует о весьма скромной формальной роли Ломоносова^v. Укажем также на отсутствие документов, указывающих на интерес Ломоносова к деятельности университета в промежутке 1755–1765 гг. Фактический же, но опосредованный, его вклад в становление университета был крайне важен. Первые русские профессора университетской гимназии (Н.Н. Поповский, А.А. Барсов, Ф.Я. Яремский) были возвращены в академическом университете или при его участии, или, имея его как живой пример.

Любопытна эволюция отношения к такому образу в самом университете. В пяти речах, торжественно прозвучавших на полувековом юбилее университета 30 июня 1805 г., имя Ломоносова упоминается лишь в одной, среди «величайших Ораторов и Стихотворцов XVIII века»^{vi}. Благодарная историческая память не нашла отражения в этих речах, только раз был упомянут «незабвенный друг просвещения Шувалов», а основное похвальное словоизвержение было адресовано 29-летнему Монарху, при котором «Московский университет, чрез все пятьдесят лет совокупно, не получил толико благотворений, как в благословенное нынешнее царствование Гения на Престоле!». Александр I в новом уставе 1804 года существенно расширил полномочия университета.

Упомянутое письмо к Шувалову далеко не сразу получило отклик в речах ежегодных собраний. Упоминание какого-либо факта канонизировало его, а потому нуждалось в едином устоявшемся мнении. В речах 1826–1829 годов не высказывается мысль об основополагающей деятельности Ломоносова. Лишь в преддверии 75-летия университет повернулся к восстановлению своей истории.

Впервые она вынесена к аудитории в 1830 г. в речах профессора И.М. Снегирева (1793–1868) и молодого М.П. Погодина (1800–1875)^{vii}.

^v Д.Н. Костышин. История Московского Университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов. Т. I. 1754-1755. Москва. Academia. 2006.

^{vi} Л. Цветаев. Слово о взаимном влиянии Наук на Законы и Законов на Науки. На день торжественнаго Празднования Императорскаго Московскаго Университета, о благополучно совершившемся пятидесятилетии от его основания... в публичном онаго Университета Собрании, июня 30 дня 1805 года. Печатано при Императорском Московском Университете. Стр. 34, 45.

^{vii} Речи и стихи произнесенныя в торжественном собрании Императорскаго Московскаго Университета, июня 26 дня 1830 года. С приложением краткой годовой Истории онаго. Москва. В Университетской Типографии. 1830. Стр. 54, 55, 121.

В оценке роли создателей университета, эти речи, произносимые в одном и том же зале, для одних и тех же слушателей звучали явной разногласием. Снегирев утверждал, что И.И. Шувалов при составлении плана прислушивался к мнению многих, среди которых наиболее авторитетными были Ломоносов и Г.-Ф. Миллер.

Он же счел необходимым отметить незаметную, но весьма важную роль графа П.И. Шувалова. Граф, известный военный деятель и сенатор, проявил недюжинную придворную ловкость, убедив Императрицу начертать «Быть по сему» на докладе Сената об учреждении Московского университета. Императрица не терпела ответственности, связанной с подписанием докладов и указов, и всеми силами затягивала такие решения. Доклад был подписан в Троице-Сергиевской лавре — туда Двор прибывал на ежегодное молебствование по случаю победы над поляками — 12 января 1755 года, каковая дата и считается днем рождения Московского университета. В XIX веке вклад графа воспринимался более важным, чем труды И.И. Шувалова. И только по этой причине именно граф, а не И.И. Шувалов, изображен на медали векового юбилея университета.

Первое приветствие университету (точнее решению об его создании) провозгласил Г.-Ф. Миллер, заботливо следивший за судьбой указа. С января 1755 г. Академия наук начала выпускать журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» и уже в февральском номере Г.-Ф. Миллер писал: «...должно почитать за особое щастие наших времен, что мы историю нынешняго года можем начать от учреждения в Москве Университета...». Здесь же он дал текст указа Императрицы, подписанный Правительствующим Сенатом 24 января 1755 г.^{viii}

В отличие от Снегирева, исторические свидетельства не отягощали Погодина сомнениями, и, имея перед глазами указанное письмо, он прямолинейно утверждал: Елизавета I основала «в 1755 году Университет Московский на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова».

К тому времени Московский университет мог по праву гордиться множеством своих выпускников, способствовавших силе и славе Отечества на высоких государственных постах. И при всем при том в короткой биографии университета отсутствовала яркая Личность исторических масштабов, Личность известная стране, которую можно было бы вознести на свои знамена. Первый по значимости Императорский университет обязан нести свою хоругвь. Конечно, на ней должен был быть русский, ученый, из низов, образец жизненного преуспеяния благодаря науке.

^{viii} «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. Февраль, 1755 года. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук». Стр. 98-104,160,161.

Кто сомневается в его имени? Еле заметная черта между «советовал» и «создал» стерта рукой великого поэта.

Торжества столетнего юбилея увековечили образ. «Журнал министерства народного просвещения» донес до всех учебных заведений страны речи «Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове». С.М. Соловьева и «Воспоминание о Ломоносове» того же М.П. Погодина, произнесенные 12 января 1855 г.^{ix} И авторитетом Министерства в умах читателей в образе Ломоносова утверждается мнение Погодина — «тот, ... кому принадлежит начальный чертеж Московскаго Университета». Думается, что приведенный документ сыграл в случившемся вторичную роль. В главном стремлении, одну и ту же цель преследовали и многолетние усилия «самобытного сподвижника просвещения» и деятельность первого русского университета. И имя Ломоносова в той или иной форме было бы привлечено к истории университета. Найденное письмо лишь конкретизировало эту форму.

Первый памятник Ломоносову в Москве был открыт опять же в университете, у аудиторного корпуса, в знаменательный «Татианин» день 12 января 1877 г. (ст. стиль)^x. Этот скромный бронзовый бюст, исполненный скульптором С.И. Ивановым и установленный на высоком постаменте, окончательно утвердил сложившийся образ во мнении студентов и общества.

В речи ректора С.М. Соловьева «Воспоминание о Ломоносове» рефреном звучало: «русские люди... думать и чувствовать по-русски... русские интересы... русская история... русская наука».

В 1936 году, в дни празднования 225-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова, непреходящий секретарь АН СССР Н.П. Горбунов, ранее секретарь В.И. Ленина, предложил в своей речи «присвоить Московскому университету славное имя Ломоносова»^{xi}.

В 1940 году, по случаю 185-летнего юбилея университета, Советское Правительство присвоило первому ВУЗу страны имя М.В. Ломоносова, после чего любые сомнения в сложившемся образе уже были просто не уместны. В наши дни, при подготовке к торжествам, посвященным 250-летию университета, был создан и утвержден (2004 г.) Новый Гимн МГУ, неразрывно и навечно связавший Имя и Университет.

^{ix} Журнал министерства народного просвещения, СПб, 1855, часть 85, отд. II, стр. 167-196.

^x Акт московскаго императорскаго университета. «Московския ведомости», 13 января 1877, № 10, стр. 4.; Открытие памятника Ломоносову в Москве. «Всемирная Иллюстрация». 1877. Т. 17, № 6. Стр.109,121илл.

^{xi} Н.П. Горбунов. Михаил Васильевич Ломоносов и русская наука. Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 1. Стр. 11.

ЛОМОНОСОВ – ЭТО НАШЕ ВСЁ

№6(83), 2010

Теперешнее состояние нашей страны и её культуры говорит о кризисе общероссийского масштаба: цивилизационном кризисе. Подобное случилось и ранее. Предыдущий такой кризис Россия вместе с Европой прошла в первой половине XX века, когда социальные потрясения совпали с научными. Такие совпадения не случайны, так как и то, и другое имеет социально-психологические причины. Решая любую задачу — социальную или научную — мы невольно придерживаемся некоторой методологии. Кризис означает, что используемый метод неадекватен стоящим задачам.

Так, инволюция в физике начала XX века имела причиной нарушение преемственности и пренебрежение органикой (онтологическими особенностями) физической реальности.

Да и весь ужасный XX век с его революциями и войнами — это иллюстрация к методологии эмпирицизма, допускающей возможность решения сложной научной или общественной проблемы с помощью прагматического или доктринального подхода, — будь то доктрины релятивизма и квантовой статистики или демократии и коммунизма.

Анализируемая нами ситуация в научной и общественной сферах имеет исторические прецеденты, поэтому решение как концептуальных, так и политических проблем следует искать, опираясь на соответствующие слагаемые опыта строителей российской цивилизации и, в частности, основателей московского университета.

О роли российской науки

Становление, организация и само «замышление» московского университета были продиктованы непростыми реалиями Европы тех лет. В силу осо-

бого геополитического положения России, развитие естественных и гуманитарных наук было обязательным условием её цивилизационно-культурного сохранения. И вопреки мифологемам наивных отечественных либералов, на пороге истощения природных ресурсов и эрозии культурных ценностей всех уровней данный принцип сохраняет своё стратегическое значение.

Разумеется, на исходе XX века характер стоящих перед нами задач иной. Ясно также, что в ближайшем будущем, при умирающей промышленности невозможна «экономизация» ни прикладной науки, ни тем более — фундаментальной. Тем не менее вторая из них, будучи необходимым условием развития первой, является одновременно единственным инструментом, с которым следует связывать надежду на рациональное разрешение судьбоносных для страны мировоззренческих, политических и экономических вопросов.

К сожалению, современная фундаментальная наука оказалась не на высоте стоящих перед страной задач. Наука в России перестала быть частью исторического самосознания народа. Более того, метафизическая сырость, которой тянет от нашей любимой науки, играет не последнюю роль в иррационализации массового сознания. Достаточно вспомнить большой взрыв, из которого «торчат уши Ватикана» или кротовые норы, которые намереваются пройти наши ведущие космологи.

Насильственное или невольное умерщвление российской фундаментальной науки, как впрочем и навязчивое «воцерковление» постсоветской атеистической России (и самой физики) следует расценивать как примеры политической и интеллектуальной близорукости. Духовная опора России в прошлом, и тем более в будущем — системное материалистическое мировоззрение, формируемое при активной совместной деятельности работников общенародной науки и народного образования.

Основатели Московского университета имели интуитивное, но исторически адекватное представление об онтологии общества и государства. Оно и позволило им сохранить Россию и заложить основы государственной науки. Комплексный характер стоящих перед нами задач требует уже не интуитивных, но строго научных подходов. Применим таковой к «нашим проблемам».

Наше наследие

В наши дни наиболее развитые разделы теоретической физики оказались поражены иррационализмом. Ведущие учёные полагают невозможным понять открываемые закономерности и отдают предпочтение инструментальной стороне процесса познания. В итоге физика приобретает черты магического знания. Таково мнение её крупных авторитетов, например, М.А. Маркова и М. Гелл-Манна. Студенты об этой стороне физики говорят: «Мы вначале не понимаем, а потом привыкаем...».

Концептуальные трудности современной физики связаны с тем, что методологическое содержание работ классической школы физиков, в том числе российских, не стало усвоенным достоянием науки. Системный подход практически не представлен в современной физике. Последний крупный учёный, который сознательно придерживался его в XX веке — это П.Н. Лебедев, умерший в 1912 г. Начало применению этого метода в российской физике положил Георг Бильфингер. Его последователями в вопросах методологии были также М. Ломоносов, А.Г. Столетов и Н.А. Умов, заслуги которых перед мировой наукой общеизвестны.

Данный подход запрещает учёному использовать без оснований метафизические понятия при построении физического знания или ипостазировать инструментальные средства описания объективной реальности. К числу таких следует отнести представления об электрическом заряде, силах притяжения, гравитационной массе и потенциальной энергии, представления о дискретности и дуализме микромира и т.п. Ломоносов иронично называл электрический заряд «элементарный огонь аристотельской» и в спорах по данному вопросу с Францем Эпинусом доходил до рукоприкладства. И было за что! До наших дней природа заряда остаётся тайной. А ведь дело не в заряде, дело в методе.

Что касается глюонных подходов и конфайнмента, то не совсем понятно, а в чём, собственно, проблема? В учебнике физики П. Страхова 1810 г., изданном в Типографии Московского университета по данным вопросам сказано следующее: «Предложения, приписывающие причину сцепления цельных частей в телах клейкой некоей влаге или взаимным переплетением частиц, не требуют пространных возражений; неосновательность их очевидна». Да и тот же Ломоносов прозорливо писал о природе физических взаимодействий: «Коль велико давление эфира, видно по железной проволоке».

Феномен Ломоносова и наши задачи

Когда мысленно обращаешься к личности и научному наследию Ломоносова, не оставляет ощущение чуда. В.И. Вернадский об этом писал: «Ещё в 1731 г. Ломоносов был полуграмотным крестьянином, через десять лет он стоял... в передовых рядах человечества. Научный вклад его в геологию, физику и химию огромен. В частности, в Ломоносове мы имеем создателя русского научного языка», — пишет далее В.И. Вернадский. В другой своей работе он признался: «В его идеях и направлении его работ мы встречаем чрезвычайно часто и чрезвычайно много предугадываний, предвидений, перед которыми останавливается в раздумье и изумлении наш ум». Беру на себя смелость утверждать, что некоторые из его предвидений опередили и наше время: природа света, силы связи в твёрдом теле, причины вращения планет. Что касается физики планет, то позиция Ломоносова по данному вопросу получила в последние годы не-

ожиданное подтверждение, причём — символично — именно на примере Венеры, атмосферу на которой он и открыл.

Между тем, его беспрецедентная продуктивность в научной сфере (несмотря на краткость жизненного пути и болезненное пристрастие к вину) закономерна. Разгадка поразительных научных успехов Ломоносова — в его методе. Если кратко сформулировать забытые, но не утратившие своей актуальности онтологические основания метода Ломоносова, они суть следующие: материализм, близкодействие, космогонический и физический эволюционизм. В истории физики имеется одна тема, ускользнувшая от внимания наших методологов, — тема герметизма. Она требует отдельной статьи, здесь замечу лишь, что будучи учеником Христиана Вольфа, избежавшего опасности увлечения иррациональным герметизмом, под влияние которого подпал даже Ньютон, Ломоносов невольно перенёс в Россию традицию европейского рационализма.

Эти, казалось бы, отвлечённые понятия явились фундаментом того, что мы называем «феноменом Ломоносова». К сожалению, фактически с середины XIX века метод Ломоносова остаётся «недоступен» для физиков. Мы убедимся в этом на некоторых примерах.

Обращаясь к таким понятиям, как силы притяжения и таинственная потенциальная энергия, мы пренебрегаем связностью мира, его системностью. Против первого активно возражал Ломоносов. Он писал: «Притяжение есть то же, что воля бога...». Будучи сторонником кинетической природы тяготения и электричества, в самой идее сил притяжения он справедливо усматривал противоречие с законом сохранения движения. В начале XXI века имеются все основания признать, что он оказался прав. Именно объективизация и абсолютизация силы «притяжения» ответственны за вириальные парадоксы и «тёмные материи» в космологии.

Это не означает, что использование таких абстрактных (по существу, математических) понятий, как поле, силы притяжения и потенциальная энергия не продуктивно. Их применение позволяет аналитически сформулировать некоторые правила динамики, полезные на практике. Однако, надо представлять себе всю условность этих метафор. Следует, например, помнить, что нет ничего в динамике такого, чего бы не было ранее в кинематике. За динамическими, по видимости, отношениями скрываются кинематические процессы в материальном эфирном турбулентном континууме, где единственной «силой» оказывается сила давления или «толкания», по Ломоносову.

О программе вообще

Как писал Михайло Ломоносов И.И.Шувалову в аналогичной ситуации, «принимаю смелость предложить моё мнение» о программе выхода из кризиса «кратко вообще».

Мы способны восстановить прерванное революцией развитие рационалистической физики, свободной от наивной позитивистской метафизи-

ки. С этой целью следует остановиться в непродуктивных космологических спекуляциях и экспериментах по физике высоких энергий, требующих строительства и эксплуатации монструозных установок, непосильных уже для всего человеческого сообщества, и задуматься о таких обязательных для науки вещах, как онтология и методология. Пришло время вернуться к рациональному, не кварковому, рассмотрению структуры базовых элементарных частиц. Пора, наконец, вспомнить, что полвека назад Роберт Хофштадтер получил уникальные экспериментальные данные по структуре нуклонов (тем более, что БАК остановился и надолго).

Опираясь на достижения материализма, в частности, на его теорию познания, нам удастся не только провести реконструкцию истории физики, но и построить нормативную методологию. В своей основе она будет соответствовать базовым, онтологическим представлениям о материальной реальности, выверенным по Ломоносову и Лебедеву.

В этом отношении мы должны осознать себя детьми российской цивилизации, располагающими бесценным методологическим наследием. Мы стоим на плечах таких системно мысливших гигантов, как основатель социологии П.А. Сорокин, философ В.В. Розанов, экономист Н.Д. Кондратьев, химик Д.И. Менделеев, кристаллограф Е.С. Фёдоров, эволюционист С.В. Мейен, физики от М.В. Ломоносова до Н.А. Умова.

Будущее науки, как социального института, зависит от её продуктивности. В случае физики надежды в этом вопросе можно связывать с новыми результатами в области энергетики элементарных частиц, познания природы гравитации и её освоения. Однако, имеются серьёзные основания полагать, что эти результаты недоступны для статистических и релятивистских подходов. Их возможности уже исчерпаны.

*В.В. Низовцев, доцент, факультет почвоведения
(выпускник физфака 1966 г.)*

М.В. ЛОМОНОСОВ В МОСКВЕ*

№7(84), 2010

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Имя выдающегося русского ученого-просветителя, первого русского академика Михаила Васильевича Ломоносова в истории Москвы навсегда связано с открытием в 1755 году первого в России Московского университета. Впервые М.В. Ломоносов вступил на московскую землю в 1730 году. Сын поморского крестьянина В.Д. Ломоносова был вполне официально отпущен в Москву сроком на год под поручительство сосе-

дей. В волостной книге для записей поручителей в платеже податей за отлучившихся из Куростровской волости Архангельской губернии об этом свидетельствует специальная запись: «1730 года, декабря 7-го дня отпущен Михаил Васильевич Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался», Правда, впоследствии, вплоть до 1747 года, М.В. Ломоносов числился, согласно этому документу, в бегах и подушную подать за него платила вся Куростровская община. Объясняя этот казус, один из первых биографов М.В. Ломоносова Я. Штелин предполагал, что Ломоносов ушел из дома без разрешения отца, который лишь позже узнал, где находится его сын, и настаивал на его возвращении домой. Очевидно, что к замыслу Ломоносова оставить дом многие из его земляков отнеслись сочувственно, так как не только способствовали ему в получении паспорта, но и поручились за него (Банев — сосед Ломоносовых), снабдили тремя рублями денег и «китаечным полукафтanjem» (Ф.И. Шубной).

В Москву Ломоносов пришел с рыбным обозом из Архангельска, угорив караванного приказчика взять его с собой. Первую ночь в Первопрестольной он проспал в санях-розвальнях у рыбного ряда. В Москве у юного помора не было ни одного знакомого человека. Однако на рынке Ломоносов познакомился с приказчиком Иваном Дутиковым (также помором по происхождению), покупавшим рыбу. Тот взял его к себе и отвел для житья угол в комнате слуг господского дома.

В Славяно-греко-латинскую академию Ломоносов попал по протекции караванного приказчика, который водил знакомство с неким монахом из Заиконоспасского монастыря. Монах этот часто навещался в гости и на второй день пребывания обоза в Москве Ломоносов был ему представлен. Караванный приказчик рассказал о судьбе и о чрезмерной охоте молодого помора к учению и просил приятеля постараться, чтоб приняли его в Заиконоспасское училище. Монах взял это на себя. Возможно, что по его совету Ломоносов поступил в учение, скрыв свое крестьянское происхождение, представившись сыном дворянина.

Подлог, впрочем, довольно быстро открылся, и будущий академик был подвергнут допросу. Результаты этого расследования, к сожалению, до нас не дошли, а сам факт такового известен нам со слов самого Ломоносова. Вторично он скрыл свое происхождение, назвавшись сыном священника, когда хотел отправиться в Оренбургскую экспедицию И.К. Кириллова. И вновь он был подвергнут допросу с пристрастием. На нем он рассказал, что «рождением де он Михайло Архангелогородской губернии, Двинского уезду, дворцовой Куростровской деревни, Василия Дорофеева сын, и тот де ево отец и по ныне в той деревне обретается с протчими крестьянами и положен в подушной оклад. А в прошлом 1730 году декабря в 9-м числе с позволения оного отца ево отбыл он, Ломоносов, в Москву, о чем данбыл ему

и паспорт (которой утратил он своим небрежением) с Холмогорской воеводской канцелярии за рукою бывшего тогда воеводы Григорья Воробьева; и с тем де паспортом пришел он в Москву и жил у подьячего Сыского приказа Ивана Дутикова с генваря до последних чисел 1731-го году, а до которого именно числа — не упомнит, И в тех де числах подал он прошение Заиконоспасского монастыря архимандриту. Герману, дабы принят он был Ломоносов в школу. По которому ево прошению он архимандрит ево Михаила приняв приказал допросить и допрашивал: а тем допросом в Академии показал, что он Ломоносов города Холмогор дворянской сын. И по тому допросу он, архимандрит, определил его Михаила в школы... А в экспедиции с статским советником Иваном Кирилловым пожелал он Михайло ехать самоохотно, А что он... сказался поповичем, и то учинил с простоты своей, не надеясь а том быть притчины и препятствия к производству во священство; а никто ево Ломоносова, чтобы сказаться поповичем, не научал. А ныне он желает по-прежнему учиться во оной же Академии. И в сем допросе сказал он сущую правду без всякия лжи и утайки; а ежели что утаил, и за что учинено б было ему Ломоносову, что Московская Синодального правления канцелярия определит».

В стенах Славяно-греко-латинской академии Ломоносов пробыл без малого 5 лет (с января 1731-го по ноябрь 1735 года). За эти годы он дошел до класса философии, т.е. в течение 4–5 лет прошел курс, на который обычно затрачивалось 7–8 лет. Как и о предшествующем периоде его жизни, об этих годах имеется сравнительно мало сведений. Все же мы знаем, что Ломоносов очень много работал, причем одновременно в разных направлениях. По тем сведениям, которые дает Я. Штелин, Ломоносов, после того как изучил латинский язык настолько, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи, стал учить греческий. Он не довольствовался тем, что получал на занятиях, и много времени проводил в монастырской библиотеке,

Живым свидетельством того, как напряженно и в каких тяжелых условиях учился Ломоносов в Москве, служит его письмо к И.И. Шувалову от 10 мая 1753 года «Обучаясь в Спасских школах, — пишет Ломоносов, — имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей, кроме меня, не имея, говорил что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство... С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды, Таким образом жил и пять лет и наук не оставил».

2 января 1736 года он в числе —12 студентов Славяно-греколатинской академии, которые, по словам архимандрита Спасского монастыря, были «остроумия... не последнего», прибыл в Петербург. Здесь он пробыл меньше

полугода, но, очевидно, успел за это время обнаружить свои способности к наукам, потому что попал в число трех студентов, которых направляли в Фрейбург (Германия) для изучения горного дела.

Обратно в Россию он вернулся лишь 8 июня 1741 года. В Первопрестольную же в следующий раз М. В. Ломоносов попал лишь в 1753 году, будучи уже академиком Санкт-Петербургской академии наук. Предыстория этого визита такова. Всерьез занявшись вопросами изготовления мозаичного стекла, в августе 1751 года Ломоносов решился представить императрице Елизавете Петровне первые пробы мозаичных составов, Ученый просил своего покровителя И. И. Шувалова хлопотать за него, чтобы ему удобнее и свободнее было «производить в действие» его «в науках предприятия». Речь шла о выделении средств для организации производства смальты. Представленные государыне пробы произвели на нее благоприятное впечатление, и Ломоносов занялся составлением мозаичного образа, который был 4 октября того же года поднесен императрице, Образ был «составлен с оригинала славного римского живописца Солимена; всех составных кусков поставлено больше четырех тысяч, все его руками; а для изобретения составов делано 2184 опыта в стеклянной печи».

Успех этих первых опытов позволил М.В. Ломоносову просить 24 сентября 1752 года академическую канцелярию дать ему учеников для обучения мозаичному делу. Канцелярия не замедлила распорядиться о прикомандировании к нему двух студентов. Но Ломоносову этого было мало, и 25 сентября 1752 года он подал «всенижайшее предложение об учреждении здесь мозаичного дела». В этом предложении он просил дать ему уже шесть учеников и выделить особый дом из числа конфискованных правительством, а на содержание всего заведения отпускать ежегодно 3710 рублей, Ломоносов уверял далее, что если будут изготовляться «на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальные рамы, шкатулы, табакерки... домашние уборы и галантереи, то будут сии заводы сами себя окупать и со временем приносить прибыль... Сие все имеет служить к постоянному украшению церквей и других знатных зданий, а особливо к славе Ее Императорского Величества».

Однако Правительство не утвердило этот проект. Но Ломоносов не собирався сдаваться. Напротив, через некоторое время он вновь подал в Сенат прошение, в котором просил правительственного пособия для устройства «фабрики делания изобретенных им разноцветных стекол...» в селе Ополе Копорского уезда, «где мужеского пола около 200 душ имелось, с принадлежащими угодьями, и потому крестьянам быть при той фабрике вечно и никуда их не отлучать». На этот раз Сенат нашел ходатайство академика заслуживающим внимания и подал Государыне доклад о возможности предоставления Ломоносову искомого села для «заведения вышеобъявленной нужной государству фабрики, со всеми к тому селу принадлежащими

угодьями... дабы он, Ломоносов, имея в том твердую надежду и проча ее себе и потомкам своим, мог тому своему художеству.. находящихся в оном селе молодых людей совершенно обучить...»

Тон и содержание этого доклада указывали на долженствующий последовать благоприятный отзыв императрицы. Но принятие решения почему-то застопорилось. Ломоносов решился лично обратиться к государыне с прошением, а для этого ему нужно было ехать в Москву, куда незадолго перед тем опять отправился весь двор. Пришлось просить об отпуске президента Академии наук Шумахера, в силу различных обстоятельств Ломоносову в этом было отказано. Не желая отказываться от своего демарша, Ломоносов обратился тогда к главноначальствовавшему в Петербурге М. Голицыну. Эта попытка удалась, и паспорт на проезд в Москву был получен из сенатской канцелярии.

Собственно говоря, этот паспорт и позволил М.В. Ломоносову побывать в Первопрестольной еще раз в марте 1753 года. 15 марта он был на аудиенции у Елизаветы Петровны и получил-таки «Именное повеление», даровавшее ему и его потомкам для работ на фабрике в Копорском уезде из Коважской мызы от деревни Шишкиной 136, из деревни Калиш 29, из деревни Усть-Рудиц 12, от мызы Горья Валдой из деревни Перекули и Липовой 34 — всего 211 душ со всеми к ним принадлежащими по описным книгам землями. Это и означало, по сути, рождение в России новой отрасли — стекольного и мозаичного производства. Кроме этой официальной миссии, М.В. Ломоносов в Москве, по мнению ряда его биографов, уже тогда присматривал место, где могло бы разместиться еще одно его будущее детище, а именно Московский университет. Идея создания Московского университета родилась у него в конце 40-х годов XVIII века, когда, войдя в число действительных членов Санкт-Петербургской академии наук, он стал вынашивать замыслы реорганизации ее управления. Дело в том, что Академия наук, ставшая крупным научным центром Европы благодаря собранному в ней блестящим иностранным ученым, мало заботилась о создании самостоятельной российской науки. Ломоносов предпринимал энергичные меры к устранению этого серьезного недостатка, уделяя особое внимание академическому университету и гимназии. Однако во всех его организационных начинаниях в этой области ему приходилось сталкиваться с многочисленными препятствиями, чинимыми придворными и академическими кругами. Во многом эти обстоятельства послужили толчком к тому, что Ломоносов стал все более склоняться к идее создания нового высшего учебного заведения вне стен Академии наук и вне Санкт-Петербурга вообще. Решающее значение в выработке проекта создания подобного учебного заведения сыграли контакты М.В. Ломоносова с известным государственным и общественным деятелем елизаветинской эпохи, камергером И.И. Шуваловым.

О спорах между Ломоносовым и Шуваловым относительно основания Московского университета нам известно очень немного, Тем не менее есть свидетельства того, что именно Шувалов первым высказал идею о переносе университета в Москву, подальше от столичной суеты, чиновничьего произвола и придворных интриг,

Один из первых выпускников Московского университета И.Т. Тимковский, которому довелось быть свидетелем некоторых подобных споров, вспоминал, что М.В. Ломоносов тогда много упорствовал в своем мнении и хотел устроить новый университет в Москве по образу и подобию Лейденского университета (Голландия), одного из старейших в Европе. Шувалов же резко возражал против, как он выразился, «вольностей европейской университетской жизни», под которыми он разумел университетскую автономию. Несмотря на эти разногласия, в результате споров и переговоров, в 1754 году на свет появилось письмо М.В. Ломоносова, адресованное И.И. Шувалову, в котором был начертан план будущего устройства Московского университета. Впервые это письмо было опубликовано в 1825 году и с тех пор занимает неизменно почетное место во всех собраниях сочинений великого русского просветителя. В письме перечисляются следующие преимущества Москвы для устройства университета: 1) большое число дворян и разночинцев, живущих в Первопрестольной и могущих стать потенциальными студентами; 2) более дешевый, по сравнению со столицей, уровень жизни, что уменьшает затраты на создание нового учебного заведения; 3) обилие родственников и знакомых у студентов и учеников, что облегчает им бытовые трудности, связанные с учебой; 4) большое число домашних учителей и репетиторов, которые работают в дворянских семьях и могут облегчать студентам тяготы учебы; 5) географическое положение Москвы в центре России, что облегчает путь к ней всех желающих учиться в университете.

В состав нового университета, по мнению М.В. Ломоносова, должны были входить три факультета: философский, юридический и медицинский. На юридическом факультете по плану присутствовали кафедры: всеобщей юриспруденции, российской юриспруденции и политики. На медицинском факультете — кафедры химии, натуральной истории и анатомии. Философский факультет в первоначальном варианте включал шесть кафедр: философии, физики, оратории, поэзии, истории и геральдики. При университете планировалось открыть гимназию, призванную готовить студентов для университета.

Из воспоминаний того же Тимковского известно, что изложенный в письме Ломоносова проект горячо обсуждался им с Шуваловым, в результате чего туда были внесены некоторые изменения. Они касались числа профессоров, структуры факультетов и сумм, необходимых на организацию университета. А С. Шевырев в своей «Истории Императорского Московско-

го университета» приводит свидетельства о том, что М.В. Ломоносов приложил руку к черновому варианту «Доношения об учреждении в Москве университета и двух гимназий», которое было подано от имени камергера Ее Императорского Величества Ивана Ивановича Шувалова в Правительствующий Сенат с развернутым планом создания университета, который, по сути, повторял план Ломоносова, известный нам по письму.

19 июля 1754 года (по строму стилю) Правительствующий Сенат утвердил этот документ, после чего вопрос об открытии университета перешел в практическую плоскость. Начались поиски необходимых для нового учебного заведения помещений в Москве. Несмотря на то, что в своих беседах с Шуваловым М.В. Ломоносов рассматривал в качестве возможных мест строительства здания для университета Воробьевы горы, либо район Красных ворот, указом императрицы Елизаветы Петровны от 8 августа того же года университету было передано здание «Аптекарского дома» у Воскресенских ворот на Красной площади. Ныне на месте этого дома находится Государственный Исторический музей.

К моменту передачи «Аптекарского дома» под нужды университета в нем располагалось московское отделение Штатс-коллегии, хранившей в своих подвалах около 80 пудов медных денег, собранных в 1754 году с москвичей в качестве налогов. Большую техническую и организационную проблему предстало собой перемещение и организация охраны этих ценностей. Здание было не приспособлено для обучения, и его приведение в соответствующее состояние было поручено архитектору Д.В. Ухтомскому. На ремонт было ассигновано 1000 руб.

12 января по старому стилю (25 января по новому) императрица Елизавета Петровна подписала Указ об основании Московского университета и утвердила «Проект организации Московского университета и гимназий при нем». Однако потребовалось почти полгода, прежде чем университетские аудитории приняли первых студентов. Прежде всего, обнаружилась катастрофическая нехватка как профессоров, так и студентов для вновь открывшегося учебного заведения. Если дефицит преподавательских кадров решался уже привычным для академической жизни России того времени способом — приглашением иностранных профессоров, то первый набор студентов (всего 16 человек) почти полностью состоял из бывших учеников Славяно-греко-латинской академии.

С тех пор прошло более 250 лет. Существенные изменения претерпел государственный строй России, политическое, экономическое, социальное устройство ее жизни. Однако при всех изменениях отечественной истории Московский университет продолжал и продолжает работать на благо нашей страны. Естественно, что многое изменилось и в организации, и в структуре самого Московского университета. В 1803 году вместе с первым уставом в жизнь Московского университета навсегда вошли принципы университет-

ской автономии. Несмотря на то, что в разные периоды истории понимание университетской автономии толковалось по-разному, эти принципы и сегодня определяют всю внутреннюю организацию жизни Московского университета. Ныне преподавательскую деятельность в стенах Московского университета ведут не 10, а 6000 профессоров. Общее число студентов университета в начале XXI века составило 31 000 человек. Вместо трех факультетов в составе Московского университета ныне работает уже 40 факультетов, 13 научно-исследовательских институтов и научных центров и 4 учебно-научных музея, в которых также ведется педагогическая работа. За время своего 250-летнего существования Московский университет выпустил около 200 000 специалистов в различных областях науки, культуры, государственного управления и народного хозяйства.

Московский университет всегда чтит память о своих основателях и особенно о М.В. Ломоносове. Еще в 1825 году студенты и профессора Московского университета выступили с идеей об увековечении памяти великого русского просветителя. Была объявлена подписка на сооружение памятника. Тогда было собрано всего 500 руб., что было явно недостаточно для установки монумента. Вторично мысль о памятнике М.В. Ломоносову возникла в связи с ломоносовским юбилеем в 1865 году. После получения соответствующих разрешений был возобновлен сбор средств. В итоге к 1871 году удалось собрать около 3000 руб. Этих денег едва хватило на то, чтобы по проекту скульптора С.И. Иванова отлить небольшой бюст Ломоносова, который в торжественной обстановке был открыт во дворе Аудиторного корпуса Московского университета 12 января 1877 года. Этот бюст был установлен на четырехметровый чугунный постамент с надписью «Ломоносову Московский университет. 1876».

Ныне на том месте стоит другой памятник М.В. Ломоносову, Дело в том, что в ходе бомбежек Москвы, которые проводила немецкая авиация в самом начале Великой Отечественной войны, здание университета сильно пострадало. 31 октября 1941 года фугасная бомба разорвалась во дворе университета, сильно повредив ограду и стеклянный купол Аудиторного корпуса. Возникло серьезное опасение за судьбу монумента М.В. Ломоносову. Его было решено перенести в здание клуба МГУ (ныне храм Мученицы Таианы), где он поныне и находится.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны на месте прежнего памятника во дворе Аудиторного корпуса был воздвигнут временный монумент Ломоносову работы скульптора С.Д. Меркурова. Этот монумент в канун фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году, был заменен на современный памятник работы скульптора И.И. Козловского. Незадолго до того в 1953 году, в связи с окончанием строительства нового здания МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах, Московский университет обогатился еще одним памятником М.В. Ломоносову. Этот памятник работы скульптора Н.В. Томского стоит на площади, кото-

рую образуют главное здание МГУ, здания физического и химического факультетов. Памятник обращен к проспекту, который с 1956 года также носит имя великого русского просветителя. Наконец, следует напомнить, что вот уже более семидесяти лет Московский университет официально носит имя своего основателя. Решение об этом было принято Президиумом Верховного Совета и Советом Народных Комиссаров СССР в дни празднования 185-летней годовщины со дня основания Московского университета, которую советская общественность отметила в начале мая 1940 года.

В ходе Великой Отечественной войны и сразу после нее имя М.В. Ломоносова было увековечено также в названиях ряда авторитетных научных форумов и наград, которые и поныне существуют в Московском университете. С 1944 года в МГУ регулярно проводятся Ломоносовские чтения. Этот научный форум с 1994 года дополняется регулярно проводимой в стенах Московского университета международной студенческой научной конференцией «Ломоносов», которая на сегодняшний день является крупнейшей молодежной научной конференцией на территории Содружества Независимых Государств.

Ежегодно 25 января, в день своего основания, Московский университет отмечает лучшие научные работы профессоров, преподавателей и научных сотрудников МГУ. Эта премия, также носящая имя М.В. Ломоносова, была учреждена Московским университетом в 1947 году.

Кроме Московского университета, еще несколько высших и средних учебных заведений Москвы носят имя М.В. Ломоносова. Например, образованный в 1930 году Московский институт тонкой химической технологии (современное название — Московская академия тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова). Это имя высшее учебное заведение носит с 1940 года. В дополнение к сказанному следует упомянуть, что ныне в Москве работают две средние школы, также носящие имя М.В. Ломоносова.

Москвичи высоко чтят память о великом российском ученом Михаиле Васильевиче Ломоносове. Они гордятся его неопределимым вкладом в развитие науки и народного образования в столице России.

*Д.А. Гутнов, А.С. Орлов,
музей истории МГУ***

*Статья дана с незначительными сокращениями — Гл. редактор.

**Музей истории МГУ был открыт в 1995 году. В 2005 году Музей активно участвовал в подготовке и реализации юбилейных выставок, посвященных празднованию 250-летия со дня основания Московского университета. Для музея в здании Интеллектуального Центра МГУ спроектированы выставочные залы и площади для хранения экспонатов.

В настоящее время фонд Музея истории МГУ, включает 3,5 тыс. экспонатов, обширную фототеку — 10 тыс. негативов, отражающую различные

этапы становления и развития МГУ. В музее выставлены произведения живописи и скульптуры, документальные материалы, награды университета, книги, карты, личные вещи профессоров и преподавателей университета, предметы мебели и обихода. Проводятся тематические временные выставки, посвященные знаменательным датам в истории университета и его подразделений, жизни и деятельности наиболее известных профессоров и питомцев.

Музей открыт для посещения по рабочим дням с 11 до 17 часов.
<http://www.retro.samnet.ru/mgu-museum/>

ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОКТАБРЬ 1917–ИЮНЬ 1941 №1(85), 2011

Волею судеб, первая книга о Ломоносове при Советской власти печаталась уже в декабре 1917 года. Советское правительство, понятно, не имело никакого отношения к этому изданию. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук, переименованная в мае 1917 года в Российскую Академию наук, просто продолжала свою запланированную деятельность.

Но далее, малочисленная научная и техническая интеллигенция могла наблюдать совершенно неожиданные для текущей обстановки действия этого правительства. Секретарь Совнаркома (привычнее бы Кабинета Министров) и личный секретарь Ленина Н.П. Горбунов посещает 10 апреля 1918 г. Академию наук и передает от имени Ленина сообщение, что «Советское правительство готово оказывать всемерную помощь работам Академии наук и считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии». Советская власть в ближайшие 2–3 года создаст свыше 50 научно-исследовательских учреждений, среди них Академия сельскохозяйственных наук, ЦАГИ, Нижегородская радиолоборатория, Институт радиологии и рентгенологии, Всесоюзный институт минерального сырья, Институт удобрений, Пищевой институт и многие другие. Большевики не только провозглашают цель «сближать науку и технику с практикой производства» но и их вождь лично обращается в октябре 1920 г. к шальной от побед в Гражданской войне молодежи с призывом «учиться, учиться и учиться». В стране две трети населения неграмотны.

В страшных условиях Гражданской войны новая власть прикладывает все силы для ликвидации этой беды. Первый «Военный букварь» для взрослых выпущен в 1919 году. Расширенный выпуск букварей для взрослых рабочих и крестьян начат в следующем 1920 году. В это же время выходит из печати, сколь известно автору, первая при Советской власти книжка о Ломоносове.

Годом позднее в Берлине, в издательстве, курируемом М. Горьким, была издана книга о Ломоносове академика В.А. Стеклова. Неожиданное обращение известного математика, вице-президента Академии наук к теме исторической биографии было, по-видимому, инициировано М. Горьким, который в письме к Ленину от 16 сентября 1920 г. писал: «мною... привлечено к делу популяризации научных знаний около 300 человек лучших ученых России, заказаны, написаны и сданы в печать за границей десятки книг...». В это же время образ Ломоносова появляется на молодежной театральной сцене.

Приведенные примеры — труды историка, ученого и драматурга — свидетельствуют о молчаливом согласии авторов и официального учреждения (Наркомпроса) с образом Ломоносова в его ипостаси юбилеев 1865 и 1911 годов.

Однако частного мнения конкретных лиц или даже отдельных учреждений далеко недостаточно в условиях новой власти для признания Личности исторически значимой и приемлемой фигурой. Необходимо политическое решение или хотя бы невысказанное (безмолвное) одобрение на высшем уровне. И такое решение должно было принять при подготовке празднеств 200-летней годовщины Академии наук в сентябре 1925 г.

Вице-президент Академии наук В.А. Стеклов "воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН» и обратился по инстанции в Комитет по науке Наркомпроса РСФСР (ему подчинялась Академия) с предложением широкой программы празднования юбилея в международном масштабе с приглашением иностранных ученых, доказывая как научное, так и политическое значение такого празднества. Идея воспринята, и юбилею придано государственное значение как мероприятию всесоюзного масштаба.

Накануне юбилея, 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление

«О признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР». Отныне Академия наук из республиканского стала высшим всесоюзным научным учреждением, состоящим при Совнаркомом СССР, и получила наименование: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

С 5 по 10 сентября торжества проводились в Ленинграде, с 11 по 14 — в Москве. Юбилей отмечался как грандиозный праздник общенациональной значимости, небывалый во всей истории Академии по своей торжественности и по масштабам. В нем участвовали высшие руководители страны, в том числе и председатель ВЦИК (по-нынешнему — президент) М.И. Калинин. На заводах и фабриках происходили торжественные митинги и собрания. Было получено 1500 приветственных адресов, писем и телеграмм. В юбилейных торжествах участвовали 1000 советских и 98 иностранных гостей, из них 23 немца, в том числе Макс Планк, и известный индийский физик Раман.

Исторический юбилей — это еще и живая связь времен. На торжества приглашена и присутствует вместе с отцом 13-летняя пионерка Нина Михайловна Быкова, — праправнучка Ломоносова по женской линии.

Газеты «Правда», «Известия», «Рабочая Москва», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда» и другие ведут репортажи о подготовке и проведении мероприятий с 1 по 15 сентября.

Официоз страны, печатный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» в день открытия торжеств 5-го сентября посвятила событию передовицу и целую полосу. В центре полосы размещались портреты Блюментроста (первого президента АН), Ломоносова, руководителей АН — президента Карпинского, вице-президента Стеклова, неперемного секретаря Ольденбурга — и академика Павлова. Сопутствующие статьи академиков подтверждали преемственность наследия и готовность сотрудничать в новых условиях. Здесь же поэт И. Молчанов взывал к памяти Ломоносова:

Пропали цари, короли и бояре,
Ушли, как уходят весною снега,
С наукою в ногу идет пролетарий,
С наукою в ногу ведет мужика.

Ты видишь, Михайло, как шаг их уверен,
Ты слышишь, как мчатся лихие года,
В науку для нас не закроются двери,
Наука от нас не уйдет никогда.
Мы любим сгорать на работе упорной,
Мешая по горну и плавень и шлак,
Но знаем, для нас не бывает зазорным,
Под тридцать и сорок шагать на рабфак.

В строфах провозглашается близость образа к лозунгу «Наука и труд», к насущным проблемам времени — просвещению народных трудящихся масс.

В следующем номере с ёмкой статьей «Академик Михайло Ломоносов» (огромный подвал) выступил Л. Сосновский, старый большевик, один из основателей газеты. Итогом исторического экскурса в статью стала четко сформулированная программа использования образа для воспитания и просвещения рабочей молодежи (выразительность цитаты оправдывает её объем):

«Третий век академии будет ... первым веком ... сближения науки с народными массами. Массы поймут значение науки и её твердыни — Академии, массы не только поймут, но и полюбят науку как лучшего своего друга и помощника. Надо им помочь понять, и, пожалуй, восчувствовать творческую

мощь и красоту науки. И я не знаю для этой цели лучшего способа как познакомиться массы с обликом академика Михайлы Ломоносова и сказать им: «... изучайте жизнь и труды великого революционера науки Ломоносова». Легко сказать «изучайте». Где у нас популярные книжки о Ломоносове? Кто их написал, кто их издал для народа? В этом непростительный грех, как самой Академии, так и Госиздата и Ленгиза и многих других. На нынешнем празднике Ломоносов должен был стать знаменем. ...

Миллионы юношей из рабочей и крестьянской среды должны зажечься тем самым пламенем, каким горел Ломоносов. Пусть каждый желторотый юнец в городе и деревне растет с ощущением, что, может быть, и он станет в какой-то мере Ломоносовым. Ломоносов в XVIII веке был чудом. Ломоносовы в нашу эпоху станут явлением массовым... он показал нам образ настоящего ученого и академика... Ломоносов нам дорог как образец ученого, который был проникнут желанием немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа... начинается совсем новая эра для Академии наук. Ломоносовская эра. Не чудесным исключением, а всеобщим правилом явится теперь ученый крестьянин и рабочий. Надо поднять в народе знакомство с обликом великого ученого Михаила Ломоносова. ...

Пусть станет всему миру ясно, что Ломоносов ошибался, когда полагал, что вместе с ним погибнут все его полезные намерения. Наоборот, восставший победоносный народ только теперь и может осуществить его намерения. В каждой школьной книжке должен быть рассказ о жизни и трудах Ломоносова. Ежегодно должен быть в какой-то подходящий день учрежден праздник науки, где самое увлекательное зажигающее слово было бы о Ломоносове. Следовало бы учредить особый Ломоносовский фонд для поощрения выдающихся по способностям крестьянских и рабочих юношей, ежегодные премии за научные и литературные труды для начинающих ученых и литераторов из народных низов. И многое в том же роде. Имя Ломоносова должно стать, и станет глубоким символом народного возрождения, победы народа над мраком прошлого... еще дружнее и увереннее прозвучат за стенами Академии голоса несметных тысяч завтрашних Ломоносовых, для которых подготавливали почву прошлые и нынешние поколения ученых и борцов. Вечная слава бессмертному академику Михайле Ломоносову!»

Эти общие замыслы подтверждает и А.В. Луначарский: в Академию вольются «новые силы, новых Ломоносовых, которых породят нам фабрики и деревня».

Обратим, однако, внимание на акценты — «культ Ломоносова» и «немедленно применить каждое завоевание науки для удовлетворения потребности народа», т.е. на требование прикладной ценности науки и вне-

дрение результатов исследований. И то и другое вскоре выдвинется на передний план.

К торжествам вышли в свет две юбилейные почтовые марки (худ. Н. Алексеев по картине Л.С. Миропольского «Портрет Ломоносова». Холст, масло 1787 г.) ценой 3 (тираж 1млн. экземпляров) и 15 коп. (тираж 750 т. экземпляров)

Миллионы людей узнали о существовании Академии наук и впервые увидели этот портрет. Вполне закономерно изображение на марках портрета первого русского ученого. Вопрос вызывает размещение этого портрета — он вознесен над зданием Академии наук и подавляет его. Следует ли здесь увидеть некий символ официального воззрения на историю АН XVIII века, или мы имеем дело с чистой случайностью? Призыв к «культу Ломоносова» в его графическом воплощении? Удивительные совпадения преподносит история!

Одновременно, в академическом журнале «Природа» два десятка авторов развернули целостное историческое полотно деятельности Академии за 200 лет применительно к различным областям науки. Единая картина проиллюстрировала, естественно, частную и достойную, но скромную, роль Ломоносова в развитии этого учреждения. Авторы опирались на документальный массив, руководствовались научной этикой и совершенно объективно изложили значение «пришлых немцев» для истории отечественной науки, не стесняясь благожелательных эпитетов.

Различие подходов к образу Ломоносова стало явным, и с этого момента началось усугубляющееся расхождение во взглядах на историю академии.

Нельзя не охарактеризовать фон, на котором звучали высказанные оптимистичные призывы. За день до начала торжеств было опубликовано постановление Президиума ВЦИК о введении в РСФСР всеобщего начального обучения, с планированием ввести его как обязательное не позже 1933–34 года. В столице же Наркомпрос считал возможным ввести обязательное начальное обучение с 1927 года, требуя «расширить работу по ликвидации неграмотности и увеличению сети ликпунктов, которые обеспечили бы ликвидацию неграмотности к десятилетию Октябрьской революции на 100 проц.» и одновременно запрашивая в правительстве средства на борьбу с беспризорностью. Нищая страна еще не могла напечатать хотя бы один букварь на двоих и найти тысячи изб для школ.

Такова была щемящая сердце реальность. И, тем не менее, читатель сам может свидетельствовать исполнение в дальнейшем всех призывов статьи Л. Сосновского.

Образ сохранил преимущество и при кардинальной смене партийного руководства. В 1926 г. были сняты со своих постов председатели

Моссовета Л.Б. Каменев (1883–1936) и Ленсовета Г.Е. Зиновьев (1883–1936), курировавшие организацию и проведение юбилея Академии и неоднократно выступавшие перед гостями с речами (см. упомянутые газеты) о перспективах развития страны и науки в ней. С.М. Киров (1886–1934), возглавивший Ленинградский горком, в январе 1932 г. цитировал Ломоносова в официальном выступлении при обсуждении планируемой деятельности научных учреждений.

В эти же годы образ Ломоносова вошел в советскую художественную и научно-художественную литературу с книгами Г. Шторма.

Третьего мая 1931 г. французская газета «Dernières Nouvelles» опубликовала сообщение из Москвы: «Академия Наук высказала пожелание потребовать изменения названия Земли Франца-Иосифа с тем, чтобы отныне ее именовали Землей Михаила Ломоносова. Льды полюса, сберегающего свою часть всемирных таинств, привлекают внимание мира, а он родился неподалеку от этих островов». В Кремле инициатива поддержки не нашла, но сообщение заинтриговало маркиза де Люр-Салюса (marquis Pierre de Lur-Saluces), из старинной семьи производителей дорогих вин. Маркиз написал весьма доброжелательную книгу, в которой изложил биографию Ломоносова, донеся до французов образ, сформированный юбилеями 1865 и 1911 годов. В книге приведена масса переводов стихов Ломоносова на французский язык, а также даны ссылки на немногие его упоминания в европейской печати.

Итак, Советская власть приняла образ ученого-энциклопедиста. Ценность отдельных черт образа была уже несколько смещена. Исторически объективно XVIII век характеризовался уже совершенно по иному — как эпоха «растущей буржуазии», эпоха «зарождения промышленного капитализма». В духе времени, но излишне категорично, Ломоносов провозглашался «трибуном молодой русской буржуазии, деятельнейшим участником буржуазного развития и выразителем его задач».

В крестьянской стране, в свете провозглашенной программы, крайне выигрышным было происхождение Ломоносова. Эта грань образа — «крестьянин-академик», «крестьянин-ученый, ученый мужик» стала сильнейшим и действенным аргументом для призыва в науку сельской молодежи.

Академический юбилей бросил призыв к мобилизации образа Ломоносова и положил начало государственной деятельности по укоренению образа в сознании людей. Образ рассматривался властью не как субъект удивления современников и восхищения потомков, а как рабочий инструмент пропаганды для подъема интеллектуального потенциала страны, т.е. для появления тех самых Ломоносовых, о которых он сам писал.

Две трети неграмотного населения могли воспринять лишь черный, контрастный образ, без всяких полутонов (к 1927 году число грамотных увеличилось лишь на 10 миллионов). Доступность в восприятии и,

соответственно, полезность массового воздействия образа оправдывали его некое обеднение, некую схематичность и изменение акцентов. Уже в начале тридцатых годов был опущен классовый критерий. Образ был вычищен от религиозности, крепостничества, верноподданнических чувств, в нем оставлены патриотизм, гуманизм, стремление к просвещению народа и, естественно, бойцовские качества. Каноническими стали борения образа с иностранным засильем и косностью царской бюрократии, каноническими стали и причины малой эффективности образа в науке, обусловленные этой малоуспешной борьбой. Сказанное на многие десятилетия определило колорит образа в советской научной и художественной литературе, в советских исследованиях биографии Ломоносова.

Академическая историческая наука оказалась поставленной в условия, когда известный миллионам образ, да и история науки в XVIII веке, не мог быть существенно изменен по вновь найденным фактам. Любые факты были обязаны украшать канонический образ. То же самое было с другими избранными фигурами.

Страна жила в условиях осажденной крепости, нужны были понятные, яркие герои, государственники и, самое главное, победители. Государство было ориентировано на победу, ему были нужны такие примеры, и оно искало их в истории. На авансцену была выведена столь же опрошенная череда победоносных политиков и полководцев — Александр Невский, Минин и Пожарский, Петр I, Суворов, Кутузов. Ломоносов олицетворял русские победы в науке.

Оправдались ли эти, очередные в истории, манипуляции с образом? Безусловно!

В стране изменилось главное — общественный взгляд на Труд. Стремление к знаниям уже не было отвлеченным. Оно подавалось как органически необходимая компонента квалифицированного труда, высшей ступенью которого является наука. И для всех трех ступеней образ Ломоносова был оптимален.

Имя Ломоносова буквально тащило детей из семей рабочих и крестьян к знаниям и в доселе неведомую их родителям сферу деятельности — науку. Н.К. Крупская неоднократно обращалась в своих выступлениях к этому имени, требуя помочь юношам, которые при Советской власти, следуя известному историческому примеру, наугад заявлялись из деревень учиться в города.

В русле общего развития культуры Советской страны имя Ломоносова занимает особое место. Это имя и образ изначально были донесены до КАЖДОГО ребенка, до КАЖДОГО школьника и жителя. Фантастические тиражи школьных хрестоматий, портреты на тетрадях, дневниках и открытках, художественная и научно-популярная литература, театральные постановки, и, наконец, черная тарелка проводной радиотрансляции несли детям его пример.

С образом Ломоносова были выращены поколения. И почему-то большинству людей из этих поколений пришлось по сердцу, закрепившийся в памяти, именно образ подростка, убегającego из дома учиться в Москву,

Одними из первых шагов социалистического государства были меры по развитию национальных культур. По примеру России в республиках подняли имена своих Ломоносовых, своих подвижников, деятелей просвещения, науки и культуры.

Призыв крылатой фразы «о сбережении народа» впервые в истории страны нашел отклик при Советской власти: ликвидация беспризорности, бесплатное медицинское обслуживание, профилактическая медицина, медицинское просвещение, психологическое обезболивание родов, восхитившее папу Пия XII, — все это освящалось именем Ломоносова, также как и Севморпуть и освоение Сибири.

Перед войной, тысячи возведенных за годы пятилеток заводов и фабрик, сотни научно-исследовательских институтов и КБ были обеспечены отечественными высококвалифицированными кадрами — рабочими, инженерами, учеными. И мы не можем отрицать, что в том имела место опосредованная заслуга образа Ломоносова.

Юбилейные торжества по случаю 225-летия со дня рождения Ломоносова (1936 г.) носили весьма умеренный характер сравнительно с ранее описанными. Газета «Правда» на фоне репортажей о боях в Испании дала передовицу «Гениальный сын великого русского народа» и предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Газета «Известия» также на фоне репортажей о боях в Испании дала передовицу «Сын великого русского народа» и также предоставила третью полосу подобающим статьям писателя, академика и профессоров. Президиум АН СССР и МГУ, тогда еще имени М.Н. Покровского, провели торжественное заседание в Доме ученых. Именно на этом заседании было предложено присвоить МГУ имя Ломоносова. Доклады заседания были опубликованы, и на авансцене Ломоносовской темы появилось имя академика С.И. Вавилова (1891–1951), будущего Президента АН СССР (1945–1951).

Заголовки передовиц знаменовали поворот государственной идеологии в сторону возрождения русского национального самосознания. На горизонте была война. Передовица «Правды» в соседних абзацах упоминала Ленина, Сталина и Ломоносова. На следующий год, год Пушкинского юбилея, передовица «Правды» назвала поэта «великим русским поэтом». Поворот свершился!

Вспомните, читатель, мнения, высказанные за 170 лет до того, мнения поддержанные немкой на русском троне!

Первый эпитет в заголовке передовицы «Правды» стал приказом как для ломоносоведов, так и всех затрагивающих эту тему, и в дальнейшем неукоснительно исполнялся.

Тема образов Ломоносова не будет полна без упоминания отношения к нему русской ученой эмиграции. Развеванные по миру, теряя в ассимиляции детей, они верили: «Почитание народных героев является одним из лучших способов поддержания национального достоинства» и бережно отмечали исторические события ныне чужой страны.

*Ведущий научный сотрудник
В.К. Новик*

ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

ИЮНЬ 1941–НОЯБРЬ 1986

№3(80), 2010

Великая Отечественная Война. Победа. Разоренная страна. Всем забывшим следует напомнить, каким трагизмом дышало время. Американский империализм люто ненавидел Страну Советов, победившую фашизм. Советскому руководству было известно о разработке в течение 1945–1949 годов десятка планов атомной бомбардировки страны от «Totality» (1945 г., 20 бомб по 20 городам) до «Drop Shot» (1949 г., 300 бомб по 200 городам). Общая разруха усугубилась засухами 1946 и 1947 годов, павшими на поля, обильно усеянные минами, бомбами и снарядами. Все усилия советской власти наладить экономические отношения с капиталистическим миром были им отвергнуты. Победившей стране изоциренно предлагали капитуляцию в красивой обертке «Плана Маршала».

Восстановление страны должно было происходить в условиях мировой экономической изоляции при беспрецедентном отвлечении сил на атомный проект. Страна могла опираться только на собственные силы. Главной задачей пропаганды стала мобилизация общества на новые трудовые, а может быть и новые военные, подвиги. Подвиги — это не дань патетике, это объективная характеристика свершений народа. Любые сомнения в трудовой победе, поиски любых оправданий, в том числе и сравнением с состоянием дел за рубежом, должны были быть исключены. Отсюда обращение к историческим примерам приоритета отечественных талантов, которые даже при царском гнете смогли дать миру великие изобретения, заимствованные неблагодарным Западом. Советский человек уверенно приумножит достижения славных предшественников.

Логика убедительна и проста — Советская Россия (СССР) не только самостоятельно справится с военной разрухой, но и на равных будет гово-

ритель с новым, заокеанским врагом. А сейчас, дабы отвратить колебания и растерянность, никакого преклонения перед иностранщиной. Именно в этом состояли глубинные причины кампании по борьбе с космополитизмом. И опять (напомним о П.А. Плавильщикове, 1792 г.) была поднята, как знамя, вера в русский гений.

Отдельно вопрос о детях. Дети войны познали все ее ужасы в зоне боевых действий, и все беды в тылу. В их кратких биографиях стал привычным мир страха и лишений. Страна должна была дать им возможность увидеть еще неизвестный им мир увлекательного творческого труда, открыть подросткам незнакомые области человеческой деятельности. Имя Ломоносова дети впервые встречали на страницах хрестоматии для младших классов. Кроме того, и в тяжелые военные годы печатались большими тиражами книги о нем.

За несколько месяцев до Победы была понята необходимость новой формы приобщения подростков к проблемам науки и техники, через их отечественную историю.

Своей лекцией «Ломоносов и русская наука» академик С.И. Вавилов открыл 29 марта 1945 г. в Москве провозглашенную серию «Ломоносовские чтения». Открытие «Чтений» было проведено по совместному решению ЦК ВЛКСМ и президиума АН СССР. Кругозору и профессиональной подготовке будущих создателей сверхдержавы уделялось самое серьезное внимание. К руководству «Чтениями» были привлечены также нарком просвещения РСФСР, председатель Союза Советских писателей и начальник Главного управления трудовых резервов.

«Ломоносовские чтения» имели своей целью увековечение памяти М.В. Ломоносова, широкое ознакомление учащейся советской молодежи с его научной и общественной деятельностью, с текущим состоянием и важнейшими проблемами естественных, технических и общественных наук. «Чтения» включали два цикла лекций, ориентированных на (1) учащихся старших классов средней школы и (2) на учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводское обучение).

Первым предлагались следующие темы: 1. Ломоносов и русская наука; 2. Ломоносов и русская геология, горное дело и металлургия; 3. Ломоносов и русская химия; 4. Ломоносов и русская литература; 5. Ломоносов и Северный морской путь; 6. Ломоносов в истории русской культуры; 7. Великий русский математик Лобачевский; 8. Периодическая система Менделеева; 9. Выдающиеся русские биологи Тимирязев и Мичурин; 10. Великие русские физиологи Сеченов и Павлов.

Вторым: 1. Ломоносов — великий русский ученый; 2. Ломоносов и развитие русской металлургии; 3. Ломоносов и русская культура; 4. Ломоносов и его учение о физике и химии; 5. Ломоносов и Северный морской путь; 6. Ползунов — первый изобретатель паровой машины; 7. Черепанов —

русский изобретатель паровоза; 8. Петров и Яблочков — первые русские электротехники; 9. Русский изобретатель и конструктор Кулибин;

10. А.С. Попов — изобретатель радио.

Лекции читались академиками и членкорами АН СССР, печатались и распространялись многотысячными тиражами.

Приведем две из первых фраз лекции Вавилова: «...Еще при жизни Ломоносова образ его засиял для русских современников особым светом осуществившейся надежды на силу национального гения. Дела его впервые решительным образом опровергли мнение заезжих иностранцев и отечественных скептиков о неохоте, и даже неспособности русских к науке». Обратим внимание на доминирование слова «русский» в названиях лекций, на уверенность в «национальном гении» и напомним о переключке этих выражений с цитированными мнениями XVIII века. Образ Ломоносова опять призван в тяжелые для страны годы. Но здесь он совсем другой, здесь он «вождь», как о том писал Радищев. И за вождем, на поддержку «русского национального гения» следуют уже не только «Кулибин и Тверский Механик Собакин суть два чуда в механике», а сплоченная когорта заслуженных русских имен.

В 1946 году АН СССР возобновляет выпуск книги «Ломоносов. Сборник статей и материалов», которая становится продолжающимся изданием. Весной 1947 г. в школы поступает хрестоматия для старших школьников «Рассказы о науке и ее творцах», написанная в годы войны. Ее открывает портрет Ломоносова с вечно живым призывом:

Дерзайте ныне ободрены,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Издатели книги выражали надежду на пробуждение у молодого читателя интереса к углубленному изучению той или иной области знаний, к выбору им жизненного пути в науке. Автор свидетельствует, что эта цель в значительной мере была достигнута. Применительно к русским, советским ученым в книге рядом с Ломоносовым поставлены имена XX века — Менделеев, Лебедев, Жуковский, Чаплыгин, Циолковский, Тимирязев, Мичурин и т.д. В тексте впервые появляется знаковое впоследствии словосочетание «физик-теоретик» (Л.Д. Ландау). Оба издания книги знакомили школьников и учащихся ремесленных училищ с новыми сферами деятельности, с новыми требованиями к новому, неизвестному еще труду.

Тогда же, по инициативе Президента АН СССР С.И. Вавилова создается «Общество по распространению политических и научных знаний» (с 1963 г. общество «Знание»). Пропаганда отечественных научно-технических дости-

жений получает новый импульс. Лекторы общества приходят в школьные классы, аудитории ВУЗов и техникумов, на стройки, в цеха заводов и фабрик (лекции читались во время обеденных перерывов). Направленность циклов однозначна — «Россия — родина величайших изобретений», «Приоритет русских и советских ученых в науке и технике». Лекции издавались тиражами в десятки тысяч экземпляров. Тем же целям был подчинен кинематограф, выпустивший художественные фильмы «Мичурин» (1948 г.), «Академик Иван Павлов» (1949 г.), «Александр Попов» (1949 г.), «Жуковский» (1950 г.), «Михайло Ломоносов» (1955 г.).

В эти же годы разворачивается широчайшее, охватившее миллионы людей, движение изобретателей и рационализаторов. Лучшие из них награждались Сталинскими премиями. Власть пробуждала творческую инициативу народа самыми различными способами, что, вне сомнений, способствовало ускоренному восстановлению страны и подготовке технологического прорыва в ближайшем будущем. Период 1945–1957 годов следует отнести к эффективнейшему использованию образа Ломоносова в истории страны.

Массированная пропаганда указанной направленности, в общем и целом, следовала в русле категорий и приемов, использованных в Ломоносовских юбилеях 1865 и 1911 годов. Отличие состояло только в том, что эти приемы были распространены на многих русских ученых XIX и XX веков. Несдержанная старательность из лучших побуждений при столь масштабном охвате личностей должна была привести и привела к гротеску: единственно Россия одарила прогрессом человечество. Дошлые остроумцы едко высказывались, что Россия, безусловно, и родина слонов. Однако перехлест угас в считанные годы, и можно еще поспорить, следует ли его отнести к издержкам пропаганды.

С первых послевоенных лет АН СССР начала подготовку академического полного собрания сочинений Ломоносова. Последнее, девятое (и второе научное) восьмитомное (1891–1948 гг.) издание не удовлетворяло минимальным требованиям к публикации столь значимых трудов. Советское правительство поддержало дорогостоящую инициативу.

Непреходящая честь и хвала коллективу составителей и редакторов (гл. редактор С.И. Вавилов), проделавшему воистину гигантскую работу по комплектации этого издания. Читателю впервые стали доступны более 240 рукописей научных трудов и писем Ломоносова. Все работы, написанные на латинском языке, были даны и в русском переводе. Несмотря на высказываемые пожелания, переводчики остались верны научной этике и достаточно точно передали смысл текстов Ломоносова. Составители ввели в комментарии к текстам целый пласт малоизвестных событий, массу источников, ожививших большую группу имен. Мнения составителей о событиях и личностях отражены в емких комментариях. Последние изобилуют ссылками на документы оппонентов Ломоносова. Суждения, высказываемые в комментариях, безусловно, несут отпечаток времени. В то

же время достоверное представление трудов Ломоносова в совокупности с арсеналом ссылок позволяет исследователям обосновать собственный взгляд на давнюю историю отечественной науки.

Десять томов собрания сочинений объемом 25–30 п.л. были подготовлены и напечатаны в кратчайшие сроки (1950–1957 гг.). Справочный, 11-й том увидел свет в 1983 г.

Повторим, интервал 1945–1957 г.г. стал венцом востребованности образа Ломоносова Советской властью. В силу вызовов времени образ ученого-энциклопедиста претерпел некоторую коррекцию. Как и ранее «Ломоносов выступает одним из гениальных основоположников научного атомизма и кинетической теории материи, автором единого всеобщего закона природы — закона сохранения материи и энергии», но с любопытным дополнением: он — «основоположник русского естествознания» (наука приобретает национальную окраску) с проникновением Ломоносовской мысли в труды А.М. Бутлерова (1828–1885), Е.С. Федорова (1853–1919) и Д.И. Менделеева (1834–1907). Обстоятельства, тяжелейшие для страны, объясняют не только такие чрезмерные оценки, но и позволяют понять причины, определяющие любые сомнения как «антинациональные взгляды врагов русской науки, замалчивающих и умаляющих труды русских ученых». Президент АН СССР С.И. Вавилов названные крайности стремился пресекать. Как и век назад, воспитательное значение образа Ломоносова оправдывало и оправдало подобное освещение его Личности, его веры в таланты русского народа, его страсти к науке, к преобразованию своей Родины. Образ исчерпывающе убедительно исполнил свою роль по внесению науки в жизненные ценности послевоенной молодежи, по привлечению ее внимания к новым прорывам науки и новым кумирам.

Рубеж 50-х годов отмечен первыми шагами научно-технической революции. И имена великих ученых XX века постепенно и закономерно заслонили фигуру Ломоносова. Ниши, ранее занятые его образом (воспитание, образование, патриотизм и т.д.) заполнились личностями советской эпохи, личностями близкими и понятными в своем поведении. Новые кумиры по праву сменили его во всех ипостасях. Обращение к его образу перешло в категорию церемониального уважения истории, в область неизбежного официального ритуала. Да и не могло быть иначе.

Сопоставим некоторые даты. В 1957 выходит в свет X том ПСС Ломоносова. Тогда же на орбиту выводится первый искусственный спутник Земли. Достижение эпохально, образ таинственного Генерального конструктора занимает умы планеты.

Год 1961-й, 250-летие со дня рождения Ломоносова. Юбилейная дата, единственная в списке подобных торжеств, не омраченная какими-либо общенародными несчастьями. За полгода до события, в стране Ломоносова русский человек, коммунист Ю.А. Гагарин впервые в истории человечества облетел планету на космическом корабле. Через четыре месяца

другой русский человек Г.С. Титов пребывает сутки в ближнем космосе. Это ли не исполнение чаяний великого помора? В юбилейных торжествах три имени сводятся в выступлениях, но в триумфе живых героев блекнет и исчезает историческая связующая нить. Торжества с должной помпой проводятся в АН СССР и Вузах страны. Поток статей об ученом — энциклопедисте выливается на страницы газет, журналов и брошюр. Среди новых «бесценных находок» вклад Ломоносова в метеорологию, в область печной теплотехники, вопросы государства и права и астрофизики. Ничего кроме иронии, добродушной и снисходительной, эти потуги вызвать уже не могли. Огромный слой гуманитарной и технической интеллигенции, взращенный, в том числе и на примере Ломоносова, уже имел все основания не воспринимать столь прямолинейную пропаганду. В каждый дом вошли властители дум уже другого времени — космонавты и молодые физики из фильма «Девять дней одного года». Фильм появился на экранах кино и телевидения в том же 1961 году, став воистину культовым, определившим судьбы едва ли не миллионов молодых людей.

Автор далек от мистики, но не может не задаться вопросом: почему рука провидения именно на год юбилея отнесла и космические полеты, и появление фильма — знамени?

В последующие два десятилетия научно-техническая революция достигла апогея в нашей стране. Возникали десятки отраслей промышленности, открывались Научограды, сотни НИИ, КБ и Вузов по новым производственным направлениям.

На этой волне открывались и музеи Ломоносова, возводились многочисленные памятники, его имя присваивалось Вузам, школам, библиотекам. С 1967 года АН СССР присуждает Большую золотую медаль имени М. В. Ломоносова ежегодно (а не раз в три года) советскому и зарубежному ученому за выдающиеся работы в области естественных и гуманитарных наук. Имя увековечивается на земном глобусе: экваториальное «Ломоносово течение» и подводный вулкан у Азорских островов в Атлантике, подводный «Хребет Ломоносова» в Ледовитом океане, возвышенность Ломоносова на острове Западный Шпицберген. Напомним о предложении АН СССР еще в 1930 г. переименовать Землю Франца-Иосифа в Землю Ломоносова.

В эти же годы существенно расширились возможности историков науки. Многие архивы стали не только доступны, но и были существенно упорядочены в части их описания. В научный оборот начали вводиться материалы, полученные в зарубежных архивах и библиотеках. Новая документированная информация о Ломоносове и его коллегах в очередной раз скорректировала образ Ломоносова применительно к сферам представления образа.

В популярной, в том числе детской, и художественной литературе, в теле- и кинопостановах, в юбилейных статьях и выступлениях все также сохранялись черты перечисленных выше образов с дежурной демонизацией врагов. Во взглядах же историков науки начал складываться образ реальной Лич-

ности, о которой ранее писали Билярский и Пекарский. Партийная точка зрения, оправданная прежде, теряла актуальность в свете новых героев, и уже не действовала гипнотически. Плоский, схематичный, контрастный образ, порожденный обстоятельствами 20-х – 30-х годов и навязанный историкам, неспешно уходил из профессиональной литературы. Вместе с ним уходили образы врагов, исчезали мотивы злокозненных происков и выявлялись объективные мотивы, высокие ли, земные ли, поступков Ломоносова. Становилась понятной логика этих поступков, и уже живая, из плоти и крови фигура человека органически, непротиворечиво вписывалась в мир России XVIII века. И суждения о Личности следовали по внутренней логике документированных фактов, без пиетета перед собственными заявлениями великого помора. Расхождения во взглядах со временем усиливались. Но образы существовали в совершенно разных пространствах, ориентировались на различные аудитории и не мешали друг другу. Каждая из категорий авторов была удовлетворена, взаимных претензий не существовало из-за разнесения сфер, а общая польза была очевидна.

Поначалу подобные мнения высказывались в статьях, посвященных персоналиям современников Ломоносова. Постепенно взаимоотношения с ним становились главным стержнем работ. Так складывался образ Ломоносова в представлении последних лет. Двойственность представлений о Личности стала свершившимся фактом. Как реакцию на сложившуюся ситуацию можно рассматривать книгу известного ломоносоведа В.П. Лысцова. Мотивы его аргументов можно понять, но согласно с доводами препятствует огромный массив объективных фактов, установленных в XX веке. Новый взгляд во всю силу заявил о себе при появлении Интернета, исключающего редакторскую правку, или давление, и отражающего точки зрения образованной публики. Впервые в истории, современные технические средства позволили выявить спонтанно сложившееся общественное мнение о Ломоносове. Анализ мнения требует, конечно, специального исследования, но приятно отметить отсутствие покушений на сакральность этого имени.

В год следующего, 275-летнего юбилея со дня рождения Ломоносова (1986 г.) страна вступила в судорогах «гласности и перестройки». Год вошел в историю планеты чудовищной катастрофой — взрывом реактора Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. Строительство саркофага над реактором было в основном завершено только через полгода. Ранг торжеств был заведомо снижен. Информационный официоз, газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» не дали соответствующих передовиц. Торжественное заседание проводилось не в Кремлевском Дворце Съездов, а в Большом театре СССР. На заседании присутствовал М.С. Горбачев и другие руководители страны. После традиционного выступления Президента АН СССР Г.И. Марчука и вице-президента академика К.В. Фролова, слово было дано далеко не первому в партийной иерархии секретарю Архангельского обкома П.М. Телепневу, а затем секретарю правления Союза писателей СССР А.А. Михайлову. Информация о заседании печаталась только в виде сообщения ТАСС «Энциклопедист, патри-

от, новатор». Само сообщение (более половины полосы) цитировало слово «русский» только 15 раз, исключительно как эпитет. Суть и стиль выступлений следовали вековой традиции. В докладе Фролова, однако, странно и неестественно прозвучала связка имени Ломоносова, встречи Р. Рейгана и М. Горбачева в Рейкьявике с подчеркнутым выводом «о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми другими ценностями». Случайная оговорка здесь исключена. Образ Ломоносова был кощунственно привлечен к готовящемуся предательству великой страны. И если отказ Горбачева во время визита в Лондон посетить могилу К. Маркса знаменовал отречение от коммунистической идеологии, то здесь публично провозглашалось поправление вековых русских святынь и интересов в пользу «общечеловеческих ценностей». Идея "приоритета" — это провокационный абсурд, ибо каждая цивилизация воспринимает свои ценности как общечеловеческие. Вековые ценности России таковы: духовное выше материального, общее выше личного, справедливость выше закона, будущее важнее настоящего и прошлого. Но провозглашенное, как известно, свершилось.

В остальном, этот последний при Советской власти юбилей, внешне проводился, как и прежде: конференции, выставки, долгие книги и брошюры. Тиражи изданий были необычайно велики — сотни тысяч экземпляров. Новые поколения, вступающие в жизнь, знакомились с Личностью, на примере которой воспитывались их отцы и деды.

*Ведущий научный сотрудник
В.К.Новик*

ВСТРЕЧА С М.В. ЛОМОНОСОВЫМ В КОРПУСЕ НЕЛИНЕЙНОЙ ОПТИКИ №3 (87), 2011

14-го марта было проведено объединенное заседание кафедры ОФ и ВП и межведомственного семинара «Синергетика» (рук. проф. Ю.М. Романовский), посвященное 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Можно лишь радоваться интересу и уважению, проявленному к памяти «радетеля просвещения земли Русской». На заседании присутствовали свыше 40 человек, стойко выслушавших и просмотревших двух с половиною-часовую презентацию, обсудивших десятки вопросов его биографии.

Да, пока чтут национальные святыни — Россия непобедима!

В.К. Новик

ОБРАЗ ЛОМОНОСОВА В УСЛОВИЯХ ВОЗРОЖДЕННОГО КАПИТАЛИЗМА №3 (87), 2011

За прошедшие со дня смены общественного строя 19 лет новая власть не высказала своего представления о приемлемом образе национального героя. По-видимому, непосредственно перед 300-летним юбилеем она должна будет определиться на этот предмет, чтобы обусловить смысловой стержень общепланетарного события. Далеко не все черты ранее сложившегося образа Ломоносова гармонируют с ныне заявленными лозунгами. Идеи культурной глобализации противоречат национальным чувствам, главным в наследии Ломоносова. Провозглашенный принцип подготовки в школах «образованного Потребителя» уничтожает призыв «собственных Платонов». Суждению о «просвещении и сбережении русского народа» противостоит ЕГЭ и демографическая статистика. Русское национальное самосознание, выпестованное Ломоносовым, перечеркнуто отменой записи о национальности в паспортах. Умолчим о судьбе языка, российской науки, приращении могущества страны Сибирью и Ледовитым океаном и о прочем. Нет, не просто будет определить смысловой стержень юбилейных торжеств.

В изменившихся общественных воззрениях образ Личности не складывается в одночасье. Тем не менее, возможно указать направления изменения таких воззрений под пером известных авторов.

За истекшие два десятилетия о Ломоносове вышли в свет около сотни книг и брошюр. Большая часть изданий посвящена отдельным направле-

ниям научной, административной и творческой деятельности Ломоносова. Их авторы остаются верны ранее сложившемуся схематичному образу, оперируя, как и ранее, цитатами, по большей части произвольно вырванными из контекста документов. Новому прочтению целостной биографии Ломоносова посвящены лишь две малотиражные книги, увидевшие свет в 2006 и 2008 годах. И книги эти следует рассматривать как первые шаги в осмыслении Личности Ломоносова в новых условиях трансформации общественного строя и менталитета населения.

Книга В. Шубинского, первая, написанная в постсоветское время, относится к разряду художественных биографий. Вторая принадлежит перу ведущего ломоносоведа Э.П. Карпеева, много лет руководившего академическим музеем М.В. Ломоносова. В ней биография и деяния ученого освещены применительно к представлению его Личности на телевизионный общегосударственный конкурс «Имя России».

Язык книг различен, яркий и бойкий в первой, лапидарный и сухой — во второй. Отличны и суждения авторов, поверхностные, в силу жанра, у Шубинского, ответственные — у Карпеева. Обе книги безупречно следуют фактам и реалистично, без идеализации, умолчаний или драматизации излагают жизненный путь Ломоносова, описывают его непростой характер, отношения с окружением, итоги научной и творческой деятельности.

Достоверность рассказа, в свою очередь, представила целый ряд современников равными Ломоносову или даже превосходящими его в некоторых обсуждаемых сферах деятельности. Образ оказался лишен исключительности в науке, в просветительских и административных трудах, за ним сохранены лишь преходящие достижения в реформе языка и поэтическом слого, известный вклад в общую культуру.

Осознано или не желая того, авторы подвели читателя к вопросу: в чем же собственно велик Ломоносов, по праву ли стоят памятники ему? Столь же безрезультатно читатель мог бы искать в этих книгах ответы на другие очевидные вопросы: почему имя Ломоносова было столь притягательно для «властимущих», церкви, политических течений? Почему Имя, будучи проведено властью через века, в то же время не было отвергнуто народом? Вопросы прямолинейны и неприятны. Попытаемся на них ответить.

Феномен Ломоносова удивителен. За ним нет военных подвигов, он не спасал Отечество в годину битв, не жертвовал собой. К нему не применимы критерии подобных подвигов, вечных в народной памяти. Но имя его издавна поставлено рядом с полководцами (см. П.Ю. Львова), хотя беспристрастный взгляд на творческую, научную и другие привычные сферы деятельности Ломоносова, казалось бы, определит его как известного, знаменитого, прославленного, но отнюдь не Великого человека в истории России. Двухсотлетняя пропаганда имени, безусловно, сыграла свою роль по внедрению образа в сознание народа. Однако, что же оставалось единой нитью, единым мотивом, проходящими через этот самый, непрерывно

изменяющийся, народ. В условиях научных и общественных трансформаций народ преобразился по интеллектуальному и образовательному уровню, национальному составу, языку, кругозору, системе ценностей. Какая же нить в восприятии Ломоносова может связывать придворного льстеца XVIII века, справного, грамотного крепостного мужика XIX века и нынешнего расхристанного студента с ноутбуком? Только одна — ОНИ РУССКИЕ, русские — по духу ли, по крови ли. Они принадлежат славному делами и отзывчивому душой великому племени, народу, нации. Это вечное чувство достоинства рода изначально и выразил Словом Ломоносов. Здесь он в сознании русских людей не имеет равных, а потому Велик.

В середине XIX века затухающий образ поэта-патриота был искусственно замещен образом ученого-энциклопедиста. Сейчас время все расставляет по своим местам, возвращая на авансцену образ поэта-патриота. Напомним, что именно этот образ в XVIII веке породил кумира. Ныне представления о Личности возвращаются к их истокам.

Вернемся к окончательно сформировавшейся двойственности представления образа Ломоносова в настоящее время. Двойственность, как упоминалось, зародилась в середине XIX века, возродилась и получила развитие с 60-х годов XX столетия, и была утверждена во мнении некоей части читательской аудитории книгами Шубинского и Карпеева.

Нет сомнения в том, что 300-летний юбилей будет проведен применительно к сложившемуся образу ученого-энциклопедиста с традиционными мероприятиями и выступлениями у памятников. Среди них, сколь известно автору, только один памятник поставлен поэту-патриоту — в Архангельске. Остальные несут зрителю образ ученого.

Ожидать изменения массовых представлений о Ломоносове следует лишь со временем, при условии принятия властью соответствующего политического решения и включения государственного пропагандистского аппарата, в том числе с коррекцией школьных программ. Никаких разумных доводов в пользу подобного развития событий (т.е. обращения к реальной Личности) сейчас не имеется. Скорее наоборот. Искусственный, насильственный слом устоявшихся представлений об очередной российской святыне вызовет еще один раскол в обществе. Пусть образы мирно сосуществуют параллельно в своих сферах, имеют своих сторонников и не проявляют взаимной агрессивности. Пусть книги Шубинского и Карпеева остаются одиночками островками чуждыми в море устоявшегося восприятия образа.

В настоящее же время более опасна тенденция полного забвения Личности в сознании людей, т.е. ее уход не только из их поля зрения, но и из народной памяти. Сохранит ли нынешняя власть эту фигуру на пьедестале, как-то культивировали самодержавная и советская власть? Или, в условиях информационного произвола, отдаст Имя пачкунам, которые втопчут его в грязь?

В нынешнем состоянии без пробуждения русского национального самосознания невозможно восстановление страны. И опять во главе когорты славных сынов России должен стать Ломоносов. Во многих, очень многих сходных обстоятельствах Отечество призывало их образы. Придут они на помощь и ныне.

Внимание к образу поэта-патриота может существенно усилиться развитием текущих тенденций в состоянии страны. Обращение к авторитету исторических личностей вызывается обычно протестными настроениями. Заветы Ломоносова о «просвещении» и «сбережении» народа, о русском судьбоносном величии будут непрерывно обретать приверженцев и постепенно становиться лозунгами в растущем противостоянии России и Запада, в сопротивлении подавлению национальной культуры страны.

В заключение пожелаем 300-летнему юбилею войти в историю Ломоносовской темы выпуском долгожданной академической биографии Ломоносова.

Лирический эпилог

Давайте же, читатель, поставим рядом образы Ломоносова. Будучи оживлены, они бы с удивлением вгляделись друг в друга, не узнавая ни себя, ни своих коллег.

Образ поэта, который писал на малопонятном ныне языке, но оставил несколько чеканных фраз, врезавшихся в память. Поклонимся этому образу. Образ ученого, что «все науки превзошел», и удивил мировые умы своими достижениями. Ну что же, склонимся и перед ним. Образ создателя Московского Университета достоин благодарной памяти, всяческой признательности и монументов. Образ радателя земли русской, известный ныне лишь небольшой группе ученых-патриотов. Выразим признательность и ему. Но все образы этих валяжных особ в париках и камзолах с некоторым недоумением и высокомерием смотрят на образ юноши, который в погоне за знаниями преодолел снежные просторы и который, собственно, явил миру и превзошел известностью их всех. И если десятки мудрых, высокоучёных мужей живописали образы этих напыщенных персон, а сами персоны были известны лишь тысячам, то образ угловатого юноши в тулупе, сбежавшего за рыбным обозом в Москву, созданный скромными авторами детских книжек, стал родным и понятным миллионам и миллионам во многих поколениях. Именно этот неугомонный русский отрок пробуждал в юной поросли городов и сёл великие мечты, и именно таким остается Ломоносов в памяти большинства нашей страны.

Счастлива страна, которая может предложить детским взорам и умам безупречный, идеальный образ, зовущий к совершенству человеческой личности!

*Ведущий научный сотрудник
В.К.Новик*

СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

№4 (88), 2011

Студенческая конференция, посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, состоялась на кафедре физики моря и вод суши.

Были заслушаны следующие доклады:

- «Ломоносов как основатель русского языка» — Тарасенко А.,
- «Метеорологические исследования М.В. Ломоносова» — Соколан С.,
- «М.В. Ломоносов и работа по открытию северо-восточного прохода» — Снизин И.,
- «М.В. Ломоносов и его вклад в развитие географии, океанологии и мореплавания» — Ким А.,
- «Ломоносов за границей» — Перескок Н.,
- «М.В. Ломоносов: наука о стекле» — Желтикова А.

*Зав. Кафедрой физики моря и вод суши,
профессор Показеев К.В.*

СЛОВО О М.В. ЛОМОНОСОВЕ, КАК ИССЛЕДОВАТЕ- ЛЕ «НЕДРА ЗЕМНОГО»

№5 (89), 2011

Наш великий соотечественник М.В. Ломоносов, 300-летие которого мы чествуем сегодня, по праву считается основоположником российской науки. Известное высказывание Аполлона Григорьева о другом нашем национальном гении — А.С. Пушкине, характеризующее силу проникновения его в духовность народную, — «Пушкин наше все» — можно отнести и к Михаилу Васильевичу, когда речь касается материй научных. Трудно переоценить все сделанное им в этой области, в том числе и для геофизической науки в России и, прежде всего в Московском Университете.

М.В. Ломоносов был первым русским ученым, который глубоко заинтересовался физическими процессами, происходящими в основных оболочках Земли. По этому поводу он высказал много интереснейших мыслей, догадок, создал ряд оригинальных геофизических приборов, в том числе и первый гравиметр; проводил натурные исследования, особенно в атмосфере. Он сформулировал ряд геофизических проблем касающихся погоды и климата, течений в океане, землетрясений, тектонической активности, пространственных и временных вариаций магнитного поля и поля тяготения Земли, часть из которых нашла свое разрешение только в конце XIX века.

В виду ограниченности доклада во времени, очень кратко остановимся на работах М.В. Ломоносова, касающихся «недра земного», как именовал он наиболее недоступную для прямого исследования твердую оболочку Земли. «Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку достигнуть возбраняет натура, странствовать размышлениями в преисподней, проныкать рассуждениями сквозь тесные расселины и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность»... — писал он в своем знаменитом трактате «О слоях земных», где изложено, в основном, большинство его соображений о сущности того самого «недра земного». Этот труд М.В. Ломоносова, как считает профессор Г.Г. Леммлейн, написавший предисловие к переизданию его отдельной книгой в 1949 году, — по законченности изложения «... является образцом ранней русской научной литературы.. С несравненным мастерством переходит он (М.В. Ломоносов) от точного и образного описания явлений к строго обоснованным и убедительным их толкованиям» [1]. В справедливости приведенной характеристики труда М.В. Ломоносова автор настоящего доклада убедился лично, когда, прочитав с большим удовольствием «Слой земные» был поражен логичностью и стройностью изложения текста, образностью языка и многообразием оригинальных мыслей М.В. Ломоносова о строении Земли, процессах, в ней происходящих и об её возможной эволюции. Очень сожалею, что познакомился с этим трактатом слишком поздно, поскольку, несмотря на некоторые устаревшие взгляды М.В. Ломоносова, например, на происхождение тепловой энергии в недрах, которое он связывает с выгоранием серы, тщательно это обосновывая, и некоторые другие, — этот труд чрезвычайно полезен не только в фактическом, но, особенно, в методологическом отношении. Прав был академик П.Л. Капица, когда готовя доклад «О творческом непослушании», о взаимоотношении гения и общества и о роли гения в развитии науки, на примере М.В. Ломоносова, записал: «Когда говорят о Ломоносове в наши дни, то обычно говорят о его научных достижениях. Сейчас они нам не только понятны, но наука за эти 200 лет настолько ушла вперед, что кажутся самоочевидными, и, чтобы понять силу гения Ломоносова, нам надо вообразить себя на уровне культуры того времени» [2].

В науках о Земле, как раз чтение «Слоев земных» и сравнение мыслей в них высказанных с уровнем геологической и геофизической науки того времени, со взглядами на Землю других ученых современников М.В. Ломоносова, как раз открывает силу его гения в этой области.

Начав трактат с изложения известных на тот момент сведений о земной поверхности и отметив роль воды и ветра в формировании лика Земли, М.В. Ломоносов разделяет формирующие силы на внешние и внутренние и делает вывод о преобладающей роли внутренних сил в образовании гор, вулканов, тектонической активности и происхождении землетрясений, тщательно обосновывая свои выводы многочисленными примерами. Обсуждая образование гор, он пишет: «Сила, подымающая таковую тяжесть, ни чему ... приписана быть не может, как господствующему жару в земной утробе». О решающей роли тепла Земли, как внутренней силы, он много рассуждал и в ранее произнесенном им «Слове о рождении металлов от трясения Земли» (6 сент.1757 г): «За истинную и общую причину земного трясения, со всеми почти нынешними и древними философами подземельный огонь признаваю» — и пытался оценить глубину расположения источников этого жара. Опираясь в рассуждениях на проявление тектонической активности, особенно в процессах землетрясения, а также на вулканическую деятельность Земли, он заключает: «...коль ужасна должна быть глубина оных потаенных пропастей и коль толсты их своды. Простираясь по мере современных трясений иногда до трех тысяч верст, держатся не везде подпорами, то есть подземными горами, но и собственно крепостию и толстою, которую ежели только в сотую долю положить против обширности, тридцать верст найдем...». А по поводу толщины сводов, поддерживающих Тибетские горы, М.В. Ломоносов пишет: «... ежели положить только сотую часть их поперечника, то, несомненно, должны быть на 70 верст толщиной, считая большой поперечник Азии в семь тысяч верст» [1]. Приведенные цифры — это средняя толщина континентальной земной коры под платформами и горами, соответственно, подтверждены были геофизическими методами (сейсмологией, гравиметрией) лишь в XX веке. Не удивительно ли?

Что касается вулканов, которые М.В. Ломоносов связывал с образованием трещин в слоях земных от землетрясений, то они — «... есть не что иное, как трубы или отдушины, коим выходит подземного пожара излишество.» Их долговременное существование Ломоносов также считал доказательством большой глубины «...где жительствоет сила возвышающая и опровергающая горы», то есть «огонь подземельный». Так, оценив количество вулканического материала, выбрасываемого Этной и Везувием на протяжении веков, он заключает: «...Толь великое количество естлибы из самых оных гор, или хотя бы из подземных мест в Неаполе и Сицилии выгорело, то бы конечно уже давно в выеденную под ними пропасть слабые своды провалились, отягощенные вагою самих эти гор..., но без-

мерна глубина потаенной хляби, и потому своды толщины ужасной не допускают обрушиться оным землям” [1].

Рассматривая и подробно обсуждая известные в его время «огнедышащие горы», частоту их извержений, существование жизни подо льдом в Океане и что “... сам великий Океан внутренней земной теплоты бесспорный есть показатель ... и что дно морское без лучей солнечных от внутреннего земного огня довольно теплоты получает” — он делает вывод о повсеместном распространении глубинных источников тепла на земном шаре. Однако, по Ломоносову, они расположены неравномерно, и значительно, мощнее и обширнее в местах, где действуют вулканы и, в частности: “... Етна, Везувий, Липара и многие острова на Архипелаге, которые хотя не непрерывном жаром, однако частым отрыганием пламени из самой глубины ясно показывают, что Тирренское и Эгейское море над подземным огнем разливаются” [1]. Действительно, во второй половине XX века экспериментально установлено, что тепловой поток под дном этих морей удивительно высоки. Открыты и другие, так называемые, “горячие точки” на поверхности Земли, которые ученые в концепции тектоники плит, связывают с восходящими из больших глубин ветвями конвективных течений в мантии.

Особенно интересным для геофизиков, изучающих строение Земли и процессы, проявляющиеся в её тектонической активности (образование гор, разломов, извержения вулканов, и др.), являются взгляды М.В. Ломоносова на “земные трясения”, причину которых он видел в перераспределении глубинной теплоты земного шара. Подразделяя землетрясения на быстрые и “нечувствительные долговременные”, к которым он относил медленные вековые колебания земной поверхности, проявляющиеся в рождении гор и ущелий, в наклонах земных слоев, в разрывах и сдвигах рудных жил, он выделяет 4 возможных их типа: “Страшное и насильственное оное в натуре явление показывается четырьмя образами. Первое, когда дрожит земля частыми и мелкими ударами... Второе, когда, надувшись, встает кверху и обратно перпендикулярным движением опускается... Третье, поверхности земной наподобие волн колебание бывает весьма бедственно, ибо отворенные хляби на зыблюющиеся здания и на бледнеющих людей зияют и часто пожирают. Наконец, четвертое, когда по горизонтальной плоскости вся трясения сила устремляется, тогда земля изпод строений якобы похищается...” [1, 3].

В приведенной цитате специалисты сейсмологи легко могут усмотреть образное описание механизмов очага землетрясения. Нужно отметить, что волнообразное движение земной поверхности при землетрясении устанавливается и описывается Ломоносовым в 1757 году, в «Слове о рождении металлов от трясения Земли», несколько ранее, чем Майчелом, которому по обыкновению приписывают это открытие (1760) и задолго до Юнга, второго претендента в западном мире на первенство открытия этого явления.

Две другие, не менее важные в геофизическом отношении работы Ломоносова, читаны им в публичном заседании Академии Наук 7 мая 1759 года — “Рассуждение о большей точности морского пути” и “Размышления о точном определении пути корабля на море” [3]. Сами названия уже говорят о практической направленности этих исследований, связанных с развитием мореплавания в России, вздыбленной преобразовательской деятельностью Петра Великого.

В этих работах путем рассуждений, основанных на наблюдениях за поведением стрелки компаса, Ломоносов вслед за У. Гильбертом (1600) приходит к выводу, что Земля — гигантский магнит “из разных великих частей разной доброты составленный или из многих магнитов разной силы в один сложенный, которые по своему положению и крепости сил действуют”, — а по сему “то необходимо следует — заключает он, — что на ней, по разности мест разное магнитной стрелки склонение». Временные же вариации направления магнитного поля в данном месте он связывает с меняющимся положением других планет относительно Земли, с возмущающим действием их “магнитной материи”. Для построения магнитной теории и усовершенствования на ее основе точности морского пути он призывает мореплавателей записывать наблюдения “магнитной силы во всех странах”, т.е. высказывает идею необходимости геомагнитной съемки с помощью самопишущего компаса (пробора магнитографа). Именно, в этих работах четко прослеживается принцип методологического обобщения Ломоносова, сформулированный им в первых фразах “Рассуждения” — “Из наблюдений устанавливать теорию, через теорию исправлять наблюдения - есть лучший всех способ к изысканию правды”.

В третьей главе “Рассуждения”, озаглавленной “О сочинении теории морских течений”, стараясь объяснить морские движения или приливы “помешательством в тяготении”, т.е. возмущениями гравитационного поля Земли, связанными с относительным движением Луны, Земли, Солнца, Ломоносов описывает способ и прибор для наблюдений за этими возмущениями. Полагая, что под влиянием перемещений морских толщ, вызванных периодическими возмущениями, будет меняться направление силы тяжести, он пытается обнаружить эту “перемену направления к центру падающих вещей” с помощью своего “великого пендула” (маятника). Здесь же описан другой замечательный прибор, предназначенный уже для измерений величины силы тяжести, являющийся, по существу, прародителем семейства первых гравиметров, основанных на статическом принципе. С помощью этого прибора, представляющего модификацию им же разработанного в 1749 г. “универсального барометра”, Ломоносов, по его мнению “старался усмотреть, не воспоследуют ли в собственной тягости ртути перемены согласные с переменами вышеописанного отвеса” — т.е. маятника. К сожалению, такого согласия Ломоносов не обнаружил, хотя совершенно правильно предугадал его существование. Две причины помешали ему это сделать: во-первых, недостаточная точность приборов, а

во-вторых — несовершенная методика наблюдений, предполагавшая измерения только в одной точке.

Заканчивая краткий и беглый обзор взглядов М.В. Ломоносова на недра Земли и на процессы в них происходящие, отметим еще раз, что для объективной оценки значительности и важности его научных трудов в этой области, нужно помнить, что творил он во времена, когда не только геофизики, но и геологии, как науки о Земле, еще не существовало. Это был период накопления фактов, простого описания наблюдаемых на поверхности Земли явлений, методы исследования были неразвиты, аппаратная база отсутствовала, информационный обмен между учеными был минимален. Все приходилось делать самому, опираясь на опыт и догадки предшественников, в чем он немало преуспел, в том числе и в области наук о Земле. И сегодня, в день 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, здесь, в Московском Университете, справедливо носящем его имя — поклонимся ему.

Литература

1. М. Ломоносов. О слоях земных. Госгеолыздат, М-Л, 1949, 211 с
2. Академик П.Капица. О творческом «непослушании», «Наука и жизнь», 1986, №2, с. 80
3. М.В. Ломоносов. ПСС, Из-во АН СССР, т.4, М-Л, 1955, 830 с.

Профессор Г.И. Петрунин

ССО НА РОДИНЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

В конце 70-х годов в МГУ была начата подготовка к приближающемуся 225 летию университета. В рамках этой подготовки Комитет комсомола МГУ принял решение о шефстве над родиной Ломоносова и включении Архангельской области в число основных мест работы студенческих строительных отрядов (ССО). За право представлять МГУ на родине Ломоносова — в Холмогорском районе — развернулось острое соревнование между извечными друзьями-соперниками: физиками и химиками. Победа оказалась за нами, и в 1977 году основным местом дислокации и работы факультетского ССО стал Холмогорский район с районным штабом в селе Холмогоры. Неподалеку, в одном-двух километрах, на острове в Северной Двине, в селе Ломоносово родился и вырос М.В. Ломоносов.

Районный ССО состоял из 12 отрядов с суммарной численностью 480 бойцов ССО, как их тогда называли. 3 отряда работали за пределами Холмогорского района (один, «Соловки-77», ОРФ (тогда формирование линейных отрядов было распределено между всеми отделениями факультета), командир И. Митин) реставрировал Соловецкий кремль, один («Эври-

ка», ОЯФ, командир Е. Титаренко) строил птицеферму в пос. Уйма вблизи Архангельска и один («Малые Корелы» ОЯФ, командир И. Аншуков) занимался реставрационными работами в музее деревянного зодчества в Малых Корелах под Архангельском.

Остальные 9 отрядов работали на территории Холмогорского района. Они были дислоцированы вдоль местной «дороги жизни», Вологдо-Архангельской магистрали (ВАМ) — строившейся тогда в рамках программы развития Нечерноземья асфальтированной (это редкость для тех мест даже сейчас) шоссейной магистрали (по одному ряду в каждую сторону) от Архангельска до Вологды и далее — на Ярославль и Москву, вдоль старой дороги, по которой Ломоносов и шел в середине XVIII века с обозом в Москву. В райцентре, с. Холмогоры (кстати, архангельский говор в таких названиях, которых там очень много вокруг (Матигоры, Карпогоры и др.), требует ставить ударение на первом слоге), один отряд («Холмогоры-77», ОЭТФ, командир А. Берзин) работал на реставрации каменной церкви 19 века (во времена Ломоносова она была еще деревянной), а один («Белые ночи», ОРФ, командир В. Клепиков) — в Холмогорском дорожном ремонтно-строительном управлении на модернизации дорожной сети района. Надо сказать, что устранением этой одной из самых главных российских бед (дороги!!!) занималась треть всего районного отряда — кроме Холмогорского, еще два отряда: «Монолит», ОЭТФ, командир В. Пономарев, строительство дороги в г. Емецк и «Дорадо», ГАИШ, командир О. Пахомов, строительство дороги на самом в то время авангардном участке стройки, д. Звон на границе Холмогорского и Виноградовского районов (дальше старую дорогу можно было считать проезжей только очень условно, в сухую погоду). Все остальные отряды («Сполохи» (ОФТТ), командир И. Ярембаш; «Спектр» (ОЭТФ), командир А. Васильев, ныне зам. декана; «Двина» (ОФТТ), командир С. Гордеев; «Геофизик» (ОГФ), командир Р. Насимов; «Протон» (ОЯФ), командир Б. Шемаев) были заняты строительством и ремонтом сельхоз-объектов (фермы, хранилища, мелиорация), а также жилья, школ, детских садов в поселках и леспрохозах.

Вообще, с помощью ССО, как всегда, решалась триединая задача:

1 - **экономическая**: уменьшение острого дефицита рабочей силы, особенно в «неудобных» периферийных районах и особенно в горячее для строительства летнее время. Районный отряд за 1,5–2 летних месяца построил (или отремонтировал) 43 объекта с общей стоимостью работ 2,1 миллиона советских рублей, выполнив львиную долю (больше половины!) летней программы строительства/ремонта в районе.

2 - **социальная**: приближение условий жизни в этих «неудобных» районах к элементарным цивилизованным нормам обеспеченности жильем, дорогами, условиями быта (строительство магазинов, школ, детских садов,

регулярные консультации и прием населения врачами отрядов), культурно-просветительская работа (за время работы агитбригада каждого отряда давала 5–6 концертов в сельских клубах, лекторские группы прочитывали 8–10 лекций по широкому, практически ничем не ограниченному кругу тем (например, читались лекции и проводились занятия по йоге), организовывались кружки и спортивные секции при школах и многое, многое другое);

3 - **воспитательная:** знакомство студентов со страной, в которой они живут и с реальными, непарадными сторонами жизни в ней большинства ее жителей.

Первые две составляющие для родины Ломоносова были тогда большими жизненно важными проблемами, остались они ими, видимо, и до сих пор (как недавно было показано в качестве большого достижения даже по центральному телевидению, лишь только в прошлом году обновили паром, осуществляющий переправу из Холмогор через рукав Северной Двины на остров Ломоносово).

Что касается третьей составляющей, то надо сказать, что это замечательные, красивейшие места со многими природными и архитектурными достопримечательностями, которые стремились и стремятся посмотреть множество людей: Соловки, Малые Корелы — всем известные архитектурные памятники в живописнейших местах, Сийский монастырь (XVI век, окрестности г. Емецк на пути следования обоза Ломоносова), д. Орлецы (отряд «Двина») стоит на красивейшем утесе в месте крутого поворота Двины, являющегося одной из признанных достопримечательностей Северной Двины. Однако добраться до них было непросто и из-за их удаленности (например, до места дислокации отряда «Геофизик» в деревне Пукшеньга или отряда «Протон» в поселке Двинской, в заповедных таежных лесах за Емецком, даже от Холмогор надо было добираться автобусом, на катере и пешком в течение всего светового дня (в тех северных краях летом это больше 20 часов)), и из-за других трудностей (на Соловках, например, тогда еще базировалась одна из частей Северного флота, стояли военные корабли и въезд на остров был ограничен). Поэтому третья составляющая триединой задачи ССО в Холмогорском районе тоже полностью решалась: и места, каких нигде не сыскать, и реальную жизнь вне столицы такой, какая она есть в действительности, наши студенты видели и запоминали надолго и прочно, что не могло не сказаться на их мировоззрении.

Поэтому, можно уверенно сказать, что тогда, в 1977 году, было начало очень хорошее, нужное и для родины Ломоносова, и для наших студентов дело, которое успешно продолжалось и в следующем, 1978 году, и в последующих годах вплоть до середины/конца 80-х годов, когда движение

ССО было свернуто по всей стране, за одним-единственным исключением: отряд «Соловки», который выжил и тогда, жив и сегодня.

В заключение хотелось бы сказать, что времени с тех пор прошло немало, а проблемы там, похоже, все те же и помощь в их решении молодых, сильных рук и умных, светлых голов воспитанников детища Ломоносова его родине совсем не помешала бы.

*Е. Солдатов,
Командир Холмогорского районного ССО
в 1977–78 годах.*

ФРАГМЕНТЫ ВЫСТУПЛЕНИЯ В.К. НОВИКА НА РАДИО В ПРОГРАММЕ «РУССКИЙ МИР» 22 СЕНТЯБРЯ 2011 г.

«Здравствуйте, дорогие друзья! Вы слушаете программу «Русский мир». Я, Любовь Курьянов — ведущая. Сегодня наш эфир посвящен великой, знаковой личности российской истории, образования и науки Михаилу Васильевичу Ломоносову. Это имя у нас ассоциируется с физикой, химией. Но, к сожалению, представление о Ломоносове, как о многогранном творческом человеке, прекрасном поэте и великом филологе не является широко распространенным. Исправить ситуацию в преддверии 300-летнего юбилея мы и попытаемся вместе с гостем моей студии. Это Виталий Константинович Новик, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник кафедры общей физики и волновых процессов физического факультета МГУ им. Ломоносова, лауреат Государственной премии Советского Союза и автор книги «Михаил Ломоносов, личность и образы».

- Здравствуйте, Виталий Константинович!

- Здравствуйте!

- Ну что же, давайте начнем сразу с Вашей книги. До эфира мы обсуждали, что Вы в своей книге защищаете Ломоносова. От кого? Кто нападает на великого ученого?

Здесь ситуация такая. Ломоносов действительно это знаковая фигура. Ломоносов является объектом наблюдений, исследований и восхищения в течение считайте двухсот с лишним лет. О нем писали многие авторы. Естественно, в своем стремлении найти что-то новое в этой яркой личности, они очень часто опускали, то, что было свойственно ему, или, скажем прямо, приписывали не свойственное ему, или, скажем так, вольно толковали его науч-

ные положения. И в результате этих самых лучших побуждений, Ломоносовская фигура оказалась сейчас крайне уязвимой. Почему? Потому что сейчас фигура изучена практически с исчерпывающей полнотой. И уже появились, не буду давать им рекламу, книжки и книжечки пасквильного содержания, которые в любимом сейчас направлении, срывают покровы, «открывают» истинное состояние дел и прочее. Как говорится, похвалы были не по уму, но из лучших побуждений, заметим себе. И, конечно, все это было прекрасно известно историкам. Но ни у кого даже мысли не было, чтобы покуситься на авторитет этой фигуры. И сейчас мне пришлось этим заняться по одной-единственной причине — ведущие ломоносоведы в силу естественных обстоятельств ушли из жизни, людей интересующихся исследованием истории Академии наук XVIII века можно буквально пересчитать по пальцам, и поэтому я рискнул написать эту книгу для того, чтобы показать чем же велик Ломоносов в общем. Не в частностях, которыми оперировали очень и очень многие авторы, а именно в целом.

- Виталий Константинович! Перед тем, как я перейду к ряду других вопросов, напомню, что наша программа сегодня посвящена 300-летию со дня рождения великого ученого Михаила Васильевича Ломоносова, и давайте поговорим, чем же он действительно был велик, то о чем как раз и написано в вашей книге.

- Ломоносов неоднократно обсуждался, деятельность Ломоносова неоднократно обсуждалась с самых разных позиций, как правило, полярных, можно привести массу тому примеров. Обсуждалась его поэтика, его гуманитарные и научно-естественные труды, обсуждалась его жизнь, личная жизнь, там есть что обсуждать, она была исключительно интересной и насыщенной. Но кто-то, когда то должен был сформулировать, я бы сказал, одной фразой, в чем же он был по праву и бесспорно велик, подчеркиваю, бесспорно велик.

В том, что он сумел переломить русское национальное самосознание с векового чувства собственной неполноценности к обоснованной гордости великого народа. И значимость этого подвига, а это действительно подвиг, непреходяща в веках. Частности же жизни Ломоносова остаются не более, чем штрихами его биографии.

И вот здесь следует подчеркнуть, что именно по этому, за эту заслугу, за это ярко выраженное направление его творчества, его буквально боготворили при жизни. И здесь очень интересно задать вопрос и ответить на него: когда же и почему, и это очень важно понять, как, кем и по каким причинам был создан культ имени Ломоносова? Он действительно был создан. И, действительно, обстоятельства вынудили его создать, и не просто вынудили. Россия требовала создать этот культ. Почему, в самом деле, этот статский советник, не оказался в забвении после после-

дующих громких поэтических имен? Чем он оказался выше, чем он оказался ценен для народа?

- Я надеюсь, Вы ответите на эти вопросы.

- Да, конечно. Ломоносов узким слоем русского образованного общества был, в буквальном смысле, был бототворен. Для того, чтобы понять почему это было так, нужно вернуться в XVIII век и воспринять ту обстановку, которая была характерна для России. Любые события, любые их оценки, безусловно, должны даваться применительно к конкретной реальной обстановке, когда эти события происходили. И вот здесь я рискну привести довольно рискованный пример. Если я выну изо рта вот этот вот кусочек сахара и предложу его Вам, то Вы пожмете плечами и покрутите пальцем у виска, и будете правы. Безусловно будете правы. А вот в блокадном Ленинграде, этот кусочек сахара, переложный изо рта в рот, спасал жизнь.

И вот по этим причинам давайте теперь вернемся в XVIII век, посмотрим, что представляла собой Россия первой половины XVIII века, и что же, собственно говоря, сделал Ломоносов. Почему он был боготворен.

Сразу же скажем, что общий интеллектуальный фон России характеризовался уровнем грамотности населения 2, максимум, 3 процента. Т.е. страна была поголовно неграмотной. Узкий образованный слой — это, в основном, духовенство и высшее дворянство. Даже елизаветинский двор наполовину был неграмотным. Это трудно сейчас представить себе, такие условия.

- Это удивительно, конечно.

- Но об этом писала Екатерина II, причем писала так, походя, как о констатации фактов. Для сравнения, в протестантских землях Германии грамотным было уже свыше половины населения и во всех европейских странах уже сотни лет существовали университеты.

Так что роль Ломоносова в истории отечественной науки следует рассматривать, естественно, по меркам его времени с учетом тех факторов, о которых я только что сказал. Заметим себе, что профессором Императорской Академии наук он стал в 1745 году, когда Академия насчитывала всего лишь 20 лет отроду и не имела ни традиций, ни сколь либо постоянного состава. Академия по регламенту 1747 года должна была иметь 9, подчеркиваю, всего 9, академиков, которые должны были представлять весь спектр наук. Русских среди них было 2 или 3 человека, людей, бывших, по нашим меркам, недостаточно, не полностью профессионально подготовленных. И вот появляется эта фигура, появляется фигура грандиозная. Причем, с чем приходит эта фигура? Эта фигура приходит, владея тем оружием, которого не было ни у кого. Этот русский архангельский мужик владеет, и мастерки владеет, новым словом. Он привнес язык, который стал строг, отчетлив,

звучен и понятен. И вот это Слово он использует для возвеличивания России. Другого такого просто не было, это феномен. И вот его язык, его стихи начинают привлекать к нему, в первую очередь, тот самый крайне узкий просвещенный слой, причем его высокопоставленную часть, который начинает оказывать ему всяческую поддержку. Причины — примитивны. Сам по себе этот слой на фоне Европы чувствовал себя ущемленным и, прямо скажем, испытывал чувство собственной неполноценности. И вот этот человек становится ученым, по собственной воле пройдя через ряд испытаний, и становится одним из тех 2–3 профессоров Императорской Академии. Какова же была задача этих первых двух-трех русских? Эти двое-трое русских и пять-шесть иностранцев и были тем, что мы назвали бы складывающимся научным фоном России. Непреходящая заслуга этих двух-трех человек состоит в том, что они доказали главное, что было вообще недоказуемо, но было сделано ими — **РУССКИМ ВООБЩЕ ЕСТЬ МЕСТО В НАУКЕ**. Сейчас это кажется диким, сейчас это кажется очевидным, сейчас обратное кажется невероятным.

- Я думаю, что и тогда в мировом сообществе это было действительно дико.

- Дико, конечно. И вот эта тройка доказывает своими работами, доказывает, что русским есть место в науке. Место, естественно, поначалу скромное. Они должны были подняться до европейского уровня. Их научные заслуги, в общем и целом, для истории вторичны. Но, как писали в XVIII веке, и позднее в XIX-м, «их тщания побудили бытие отечественной научной мысли, по началу не всегда удачное, но уже неувядаемое». И вот в этом слове «неувядаемое» — главное. Именно они своим примером привлекли в науку и взрастили следующее поколение соотечественников, академиков по широчайшему спектру специальностей. Уже второе поколение русских ученых уверенно вышло на европейский уровень, третье поколение взрастило ученого мирового уровня — Лобачевского.

- *Виталий Константинович!* У меня сразу отсюда вопрос. Так как Ломоносов был яркой фигурой, я думаю, что не заметить этого не могли многие. Наверняка у него были враги, соперники, люди, которые завидовали. Что-то об этом известно?

- Да, естественно, конечно. Я еще раз подчеркиваю, что ломоносовская биография изучен, практически, с исчерпывающей полнотой. Если говорить о врагах, то, естественно, можно оперировать массой вырванных из контекста цитат, но здесь следует иметь в виду, что в том мире, в котором он жил, исключительно дружественной атмосферы и не могло быть. Но следует иметь в виду, что все эти противоречия носили отнюдь не национальный характер. По одной единственной причине. И его жена была немка, т.е. отнюдь не славянских корней, и его друзья по Академии были

немцы. В основном разногласия носили, я бы сказал так, организационный характер, ну а разногласия с учеными — уже носили характер более существенный — это разногласия хорошо подготовленных европейских профессоров, или русских, подготовленных в европейских университетах, с первыми русскими учеными. Т.е. демонизация врагов, эта, я бы сказал так, достаточно избитая тема. Мне представляется она сильно преувеличенной.

Далее, если Вы позволите, я бы хотел подойти вот к чему — все-таки вернуться к тому, кто сделал Ломоносова национальным героем и почему?

- Кто же это был?

- Я думаю, что Вы сами сумеете догадаться — это была Екатерина II. Ее государственный ум, ее государственная мудрость поняла, что **Россия нуждается в человеке, вся жизнь которого может быть по праву, без фальши изложена будущим поколениям**. Именно эта причина и сохранила, собственно, для нас имя Ломоносова, которое не оказалось затененным другими именами в науке, поэзии и другом. Ситуация, которая способствовала этому, сложилась к 1782 году, когда в стране начала создаваться, впервые в истории, государственная система школ. И эта государственная система школ, до недавних еще пор лучшая в мире, она практически сохранилась на тех принципах, которые были в нее заложены, эта система школ предусматривала не только образование учащихся, но и воспитание, в отличие от того, что делается сейчас. Воспитание, естественно, патриотических чувств, подчеркиваю, уже в то время размышляли на эту тему, и среди патриотических чувств, естественно, любовь к родине, которую олицетворяла любовь к монарху. И, конечно, складывающийся учительский корпус, целым рядом документов был ориентирован на то, чтобы пропагандировать и приводить примеры лучших людей России, которые составили славу России. Но следует вдуматься, эта немка на русском троне впервые сформулировала идею поддержки русских национальных героев. И далее зададимся вопросом — на военной и административной стезе этих героев бесчисленно много, их можно долго перечислять. А на гражданской стезе? XVII век породил гражданина Минина и гражданина Сусанина, отдавшего «жизнь за царя». Все помнят эту оперу Глинки. Кого же может предложить XVIII век? **XVIII век может назвать только одну яркую фигуру, которая может стать эталоном жизненного поведения молодых людей. Это — Ломоносов. Вся его жизнь, вся его биография может быть подана по праву, без фальши, молодому поколению. Подана как образец, как эталон, причем главным в этом является, естественно, тяга к знаниям, стремление к самосовершенствованию.**

- Вот, вкратце, о биографии, потому что я думаю, что многие не помнят, кто-то забыл о Ломоносове. Да, какие то яркие моменты, сын

крестьянина, я не знаю там, как пришел в университет, вообще это будет интересно, поскольку Вы как раз говорите, что это образец для подражания, вот давайте этот образец, наверное и озвучим.

- Конечно. Вы, безусловно, затронули очень важный момент, который должен быть акцентирован обязательно, непременно, о том, где же был момент истины в жизни Ломоносова.

И так представим себе, крестьянский сын, недюжих талантов, которому была уготована привычная судьба, сходит со своей стези. У него был очень зажиточный отец, он имел два корабля, это был промышленник, достаточно преуспевающий, заметим себе, — неграмотный. Это к вопросу о двух процентах. И вот он посылает сына в Москву, я бы сказа так, по совершенно понятному поводу, ну должен же кто-то вести делопроизводство, развивать наследие. Этот сын приходит в Москву (он отнюдь не бежал в Москву, как говорили об этом легенды, сейчас мы скажем, откуда родились эти легенды) и вот, вместо того, чтобы чуть-чуть получившись вернуться назад, он, вдруг, совершает совершенно неожиданный поступок — он объявляет себя дворянином и поступает в славяно-греко-латинскую академию. Мы должны понять, что значило объявить себя дворянином. Это значит сознательно пойти на риск допросов с пристрастием: «Ты с какой корыстью дворянином назвался? Ты пошто туда пошел?». Допрос не просто с пристрастием, это допрос с дыбой и кнутобойством. И вот человек идет туда, поступает туда, и, пока его еще не разоблачили, и ради чего, ради какой корысти — только ради получения знаний. В XVIII веке это было совершенно не понятно, это был ярчайший поступок, это был действительно момент истины в жизни Ломоносова. Никаких примеров до и после, в ближайшее же время, не было.

Т.е. человек идет на риск ради знаний. И вот это стало самой яркой чертой биографии Ломоносова. Оно стало самой привлекательной чертой, которую можно было доносить до юных поколений сколько угодно. И мы выросли именно на этом примере, т.е. на тяге к знаниям даже ценой жертвенности. И далее нужно говорить как этот двадцатилетний парень начинает учиться с какими то детьми 12-13 лет. Он начинает изучать латынь, он начинает изучать философию, он начинает изучать греческий язык, он начинает изучать стихотворство, и все с упоением, с жадностью. Ну а Вы можете себе представить картину, чтобы 20-летний мужик учился вместе с 12-летними детьми?

- С трудом.

- С трудом. Но в этом и было проявление вот этого стремления, это было проявление какого то божьего дара к познанию. И он вдруг проявляет совершенно неожиданный талант. У него проявляется колоссальная склонность к изучению языков, в частности, потом, когда он попал в Гер-

манию, немецкий он освоил лучше немцев. И так он в совершенстве познает латынь, изучает греческий. В это же время, где-то в 1735 году, когда он еще не кончил славяно-греко-латинскую академию, Академия наук в Петербурге начинает набор студентов.

И вот тут мы должны поговорить еще об одном, т.е. перейти к тому, от чего мы несколько отвлеклись, Почему именно Ломоносова Екатерина II выбрала как образец человека, которого можно подать как национально-героя. Там не было, какого то особого анализа этой личности, было собственное восхищение императрицы его поэтическим даром. Екатерина II встав на стезю литературного творчества на русском языке ... (должен напомнить, что она написала великолепную работу ««О Российских сочинениях и Российском языке». Интересно, кто из нынешних руководителей в состоянии написать работу «О русском языке и красноречии»?).

- Я думаю немногие.

- Поразительно, что эта работа Екатерины II как-то не нашла отзвука, хотя работа исключительно увлекательная. Там звучит, она вся пронизана глубочайшим уважением

К русской лексике, к русскому слову, к его выразительности, к его умению убеждать, к его умению, я бы сказал, быть исключительно гибким. Ну, опять вернемся к Ломоносову на нем можно говорить и о любви, говорить о чем то добром, говорить с врагами, убеждать и вести за собой. Напомню, что «Слова в России — больше чем слова», вряд ли кто-то знает, кто высказал этот афоризм. Напомню еще одно: «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки з собой повести...».

Екатерина II оценила дар слова Ломоносова. Сама она не могла писать стихов, и когда она писала свою пьесу «Правление Олега», Вы только вдумайтесь, она, императрица вводит в текст стихи Ломоносова. Что означало для людей признание Всевысочайшего соавторства? Так, на секунду дочку, вдумайтесь. Что может быть выше оценки человека, которого императрица берет в соавторы. И вот это ...

- Нет, это откровение.

- Да. И вот это и обусловило ее, я бы сказал так, высочайшее уважение к этой личности.

Апогеем этого уважения было то, что она приказала, нет, повелела, повелела, создать бюст Ломоносова, его земляку, скульптору Федору Шубину, и, что выразительно, этот бюст Екатерина II поставила в Камероновой галерее Царскосельского дворца среди античных героев.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора: «К юбилею Ломоносова»	2
Наш Ломоносов №5(89), 2011	4
Ломоносов и северный морской путь №5(58), 2007.....	28
Василеостровцы спасли лабораторию Ломоносова №3(63), 2008	32
За честь отечественной науки или отморозок в поисках ледяной свежести №4(64), 2008	33
Наша история №9(69), 2008.....	37
"Михайло Ломоносов №5(749), 2009.....	37
М.В. Ломоносов №8(77), 2009.....	38
Вечер, посвященной поэзии М.В. Ломоносова №3(80), 2010.....	40
М.В. Ломоносов — создатель Московского университета №5(82), 2010	43
Ломоносов — это наше всё №6(83), 2010	48
М.В. Ломоносов в Москве №7(84), 2010	52
Образ Ломоносова и Советская власть октябрь 1917–июнь 1941 №1(85), 2011	61
Образ Ломоносова и Советская власть	69
Встреча с М.В. Ломоносовым в корпусе нелинейной оптики №3 (87), 2011	76
Образ Ломоносова в условиях возрожденного капитализма №3 (87), 2011	77
Студенческая конференция, посвященная 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова №4 (88), 2011	81
Слово о М.В. Ломоносове, как исследователе «недра земного» №5 (89), 2011	81
ССО на родине М.В. Ломоносова	86
Фрагменты выступления В.К. Новика на радио в программе «Русский мир» 22 сентября 2011 г.	89

Главный редактор **К.В. Показеев**

<http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/>

sea@phys.msu.ru

Выпуск готовили:

Е.В. Брылина, Н.В. Губина, В.Л. Ковалевский,

Н.Н. Никифорова, К.В. Показеев,

Е.К. Савина.

Фото из архива газеты «Советский физик»

и С.А. Савкина.

15.11.2011